



XXXIX г.

№ 9

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Г. УСПЕНСКАГО, Г. ГАУПТМАНА и гр. А. ТОЛСТОГО, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выдастъ 1-го марта 1908 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

г. XXXIX

1908

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежегод. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за мартъ 1908 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1908 г. съ 33 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 черт. выкр. въ натур. велич. и 13 рис. выпиливанія по дереву и металлу.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1908 г.



Этюдъ Франца Штука.

Степь грезить.

Романъ

Ал. Н. Будищева.

(Продолженіе).

Въ поляхъ было тихо. Воздухъ, какъ раскаленный металлъ, жегъ щеки Стены, и золото дозрѣвающей ржи и золото солнечныхъ лучей рѣзали до боли его глаза ослѣпительнымъ свѣтомъ, будто наводнившимъ землю молчаливо свергающимися водопадами. Поле походило на внутренность пылающей печи. И въ этомъ рѣзкомъ блескѣ все, что только было въ полѣ, что находилъ тамъ глазъ: отдѣльное дерево и рядъ низкорослыхъ кустарниковъ, ометъ прошлогодней соломы и усадебная постройка,—все смѣшивалось какъ бы въ одинъ пылающій хаосъ, созданный изъ торжествующаго блеска.

— Ф-фу, жарко! — процѣдилъ Степа сквозь зубы. — Сидѣть бы теперь дома!

Перепрыгнувъ черезъ узкій ручей, онъ на минуту остановился и, внимательно оглядѣвшись, пошелъ къ саду.

«Если меня встрѣтитъ Фелицата или кто-нибудь изъ рабочихъ, что имъ надо будетъ сказать? — напряженно думалъ онъ: — какъ вообще я объясню имъ свое появленіе въ усадьбѣ? Вѣдь они же знаютъ, что я осведомленъ объ отсутствіи хозяевъ? А мнѣ надо быть хитрымъ какъ лиса и мудрымъ какъ змѣй. Что же я скажу имъ?»

Двигаясь аллейкой сада, онъ рѣшилъ:

«Скажу, что долото понадобилось. Свое, дескать, сломалъ, такъ нѣтъ ли у кого долота? ненадолго! Грабли, дескать, мнѣ починить».

Ему вдругъ пришло въ голову:

«Вотъ я еще и не подступалъ къ осуществленію мечты моей, а сколько разъ

мнѣ пришлось солгать? Десятки разъ? А сколько предстоить впредь? Лжи, лжи и лжи!»

Хмуро поморщась, онъ пробормоталъ:

— Вороха лжи! И цѣлыя болота всяческой нечисти! Вороха! Болота!—чуть не вскрикнулъ онъ.—Какъ-то я пройду подъ ихъ грязными палками? И пройду ли? Вдругъ да упаду обезсиленный среди смрадной трясины? Опогаенный вонью и грязью, чувствуя омерзѣніе къ самому себѣ, гнушаясь собою какъ падалью и проказой!

Сомнѣнія облѣпили его мутнымъ роємъ, и онъ не чувствовалъ зноя солнца, весь терзаясь въ пламени душевныхъ мукъ.

— Кодря! Кодренька!—вдругъ позвалъ онъ, жалобно останавливаясь посреди сада и стискивая виски отъ бурныхъ мучений.—Я всегда любилъ и глубоко уважалъ тебя,—мысленно зывалъ онъ къ брату.—Всегда! Всегда! Научи же, что мнѣ дѣлать! Пройду ли я невредимымъ черезъ болота, или задохнусь среди нихъ?

— Задохнешься отъ смрада!—послышался ему такъ ясно голосъ Кодри.

— Почему?

— Признавшій свѣтъ какъ можетъ бороться тьмой, какъ оружіемъ?

— Такъ что-жъ мнѣ дѣлать? Ужели ждать тысячелѣтія?—хотѣлось Степѣ кричать на весь садъ.

— Ждать тысячелѣтія.

— Н-не могу,—простоналъ Степа:—не могу, не могу и не могу! Не могу!—крикнулъ онъ гнѣвно и въ мукахъ.

И чуть не столкнулъ Фелицату, развѣшивавшую на кустахъ сирени только-что простиранный полотенца.

«Такъ и зналъ,—подумалъ Степа хмуро:—опять лгать придется. Въ сотый разъ лгать и лгать».

— А это ты можешь?—будто кто спросилъ его, издвываясь.—Это можешь?

«Не твоѣ дѣло,—мысленно цыкнулъ Степа:—слыхалъ? Не твоѣ дѣло».

— Чего вы не можете?—спросила его между тѣмъ Фелицата, почесывая голый локоть и шлепая мокрымъ полотенцемъ по травѣ:—чего вы не можете, Степанъ Ильичъ?

— Да вотъ никакъ не могу грабли починить,—отозвался сухо Степа.

— Что такъ?

— Рубанокъ свой сломалъ. Или долото?—спросилъ онъ у Фелицаты.

— А я ужъ не знаю, что вы сломали,—развела та руками.—Можетъ, рубанокъ, а можетъ, и долото! Я не чернокушница, слава Богу. Слава Богу, я даже отродясь и въ книгу-то не заглядывала,—добавила она даже съ нѣкоторымъ тщеславіемъ на жирномъ лицѣ.—Я честныхъ родителей дочка! Да. Слава Богу!

— Рубанокъ, рубанокъ я сломалъ,—заволновался Степа:—а мнѣ грабли надо починить очень. Вотъ я и думаю: спрошу, дескать, у нихъ! Рубанокъ!

— Рубанокъ надо у Фёдора попросить,—заговорила Фелицата:—у Фёдора, который у насъ въ родѣ старосты, тотъ, что съ веснушками, у него еще жена въ позапрошломъ году двойню родила. Слыхалъ? Двоихъ ребятыньковъ и обоихъ черненькихъ, какъ тебѣ уголь. А Фёдоръ-то рыжеватый, а сама она бѣлесенькая. Сосѣди смѣются: откуда баба на ребятъ чернитъ только наша? Это тотъ самый Фёдоръ, который черезъ баранину судился,—тараторила Фелицата, видимо обрадовавшись случаю почесать языкъ.

Но Степа ее уже не слушалъ, поспѣшно уходя.

— Знаю, знаю,—говорилъ онъ съ дороги:—я у него и хотѣлъ спросить. Долото. Или, бишь, рубанокъ! Рубанокъ, рубанокъ!

— И самъ не знаетъ, чего ему надо,—ворчала Фелицата, недовольная тѣмъ, что ее не слушаютъ.—Сегодня подавай ему рубанокъ, а завтра долото!—Она вдругъ разсмѣялась и добавила:—На Дарью Архиповну тебѣ лишній разокъ взглянуть захотѣлось, да улетѣла птичка. Ау, на цѣлыя сутки! А долото тутъ отводъ глазъ.

Степа не оборачивался. Когда онъ былъ около каменной кладовой, ему опять пришло въ голову:

«Ужели мнѣ опять надо идти къ Фёдору и лгать, лгать? По

поводу долота? Или рубанка? Вотъ я уже и забылъ, о чемъ мнѣ надо лгать Фёдору!»

Онъ рѣзко махнулъ рукой и сказалъ самому себѣ:

— Къ Фёдору не пойду! Не пойду. Ни за что. Довольно!

Онъ внимательно оглядѣлся, прячась за кирпичныя стѣны кладовой. Вокругъ не было ни души. Все пряталось, спасаясь отъ палящаго зноя. Только окна дома рѣзко сверкали ему въ глаза. Онъ опять оглядѣлся, еще и еще, таясь, какъ затравленный звѣрь. Солнце кидало цѣлыя потоки лучей, такихъ сверкающихъ и знойныхъ, и ему захотѣлось уйти въ стѣну кладовой, чтобы его не видѣло даже и солнце. Наконецъ онъ выдвинулся впередъ и, волнуясь, вставилъ ключъ въ замокъ двери безшумнымъ жестомъ.

«Что если Андрей Ивановичъ уже перемѣнилъ замокъ двери?»—безпокойно вскипѣло въ немъ.

Но ключъ повернулся подъ легкимъ давленіемъ руки, и замокъ меланхолично звякнулъ, точно простоналъ, не желая выдавать сокровищъ кладовой неприятному пришельцу.

— Ага!—торжествующе вырвалось у Степы.

Пріоткрывъ дверь, онъ шмыгнулъ въ кладовую, чувствуя удары сердца.

— Ага!—опять произнесъ онъ, словно празднуя уже побѣду.

Въ кладовой пахнуло на него пріятной сыростью, и ворвавшійся въ щель полуотворенной двери потокъ свѣта будто распугалъ тамъ пританчившіяся тѣни. Пугаясь нашествія свѣта, онъ безпокойно исколыхнулся, безшумно и тревожно, и, уступая свѣтлому натиску, отпрянули въ дальніе углы со смиреніемъ, но и со злобой; такъ хищный волкъ съ прострѣленной челюстью отступаетъ передъ винтовкой охотника. Степа словно оцупалъ глазами всю внутренность этой кладовой, несуразной и длинной, безъ единого окошка въ каменныхъ стѣнахъ.

«Тутъ, или не тутъ?»—безпокойно думалъ онъ, тихо двигаясь.

Но каменныя стѣны молчаливо высились, не давая отвѣта. Земляной полъ не шуршалъ подъ его ногою. Потолокъ низко висѣлъ надъ головою, и ни единый предметъ не вызвалъ въ Степѣ ни малѣйшаго подозрѣнія.

«Ужели и здѣсь все обстоитъ вполне благополучно?—подумалъ Степа.—Ужели?»

— Даже очень и очень благополучно,—словно отвѣтили ему стѣны кладовой своимъ невиннымъ видомъ.—Иль ты не видишь?

Степа двинулся впередъ и опять остановился. Все такъ же словно оцупывая глазами всю внутренность кладовой, онъ изслѣдовалъ испытующимъ и напряженнымъ взоромъ каждую щель стѣны, каждую выбоину земляного пола и все, что находилось въ кладовой. Онъ медленно двигался между стѣнъ, точно пытая ихъ глазами, раздвигая руками и ногами разставленные у стѣнъ мѣшки съ домашнимъ скарбомъ, пустые деревянные ящики, поломанные колеса, копаясь въ пучкахъ кудели, роаясь во всей этой рухляди, сброшенной здѣсь подъ низкимъ потолкомъ. Два раза онъ подходилъ къ токарному станку, висѣвшему у противоположной отъ двери стѣны кладовой, и тщательно оглядывалъ и его. Но и токарный станокъ оказывался только токарнымъ станкомъ и служилъ видимо только для той цѣли, для которой онъ предназначался. Да и вся рухлядь кладовой была самой обыденной рухлядью.

«Что же это такое?—думалъ Степа, съ упрямствомъ продолжая свои розыски:—ужели и тутъ нѣтъ того, что я ищу?»

Самое безнадежное отчаяніе шевелилось въ немъ при этой мысли, но онъ тотчасъ же задавалъ себѣ вопросъ:

— Но зачѣмъ тогда Андрей Ивановичъ такъ старательно оберегаетъ ключъ отъ этой кладовой? Только отъ этой кладовой?

— Ключа отъ кладовой отецъ мнѣ никогда не оставляетъ,—припоминался ему тогда отвѣтъ Любочки.

— Почему?

— Не знаю ужъ почему, — но онъ не оставляетъ, — будто снова бесѣдовалъ онъ мысленно съ Любочкой.

Однако вскорѣ онъ въ концѣ утомился этими розысками, чувствуя прямо-таки словно приближеніе дурноты. И онъ рѣшилъ прекратить на время свое разслѣдованіе. Запирая кладовую на ключъ, онъ все-таки думалъ:

«И все же здѣсь что-то не такъ. Инымъ духомъ пахнетъ».

Солнце жгло дворъ усадьбы. Воздухъ рѣзко сверкалъ. Степа понуро двинулся въ обратный путь.

XIX.

Вплоть до самого вечера Степа пребывалъ въ какомъ-то пасмурномъ покоѣ. Онъ рѣшилъ дать себѣ раздыхъ до вечера, чтобы хоть на время сбросить съ себя ту обузу, которая такъ давила его.

«Нужно отдохнуть!» — думалъ онъ, и это было сейчасъ его единственнымъ желаніемъ.

— Нужно отдохнуть, нужно отдохнуть, — шепталъ онъ, валяясь въ саду, въ гущѣ вишневого, радушно укрывавшаго его отъ жаркихъ лучей солнца.

Его лицо саднело, обожженное зноемъ, и его душа тоже словно была опалена пламенемъ. Если можно было бы ни о чемъ не думать? О, это явилось бы большимъ счастьемъ для Степы! И по временамъ ему удавалось погружать себя въ такое состояніе, гдѣ не было ни одной думы, ни одной грезы, ни одного желанія, ничего, кромѣ сладкой пустоты.

Къ обѣду онъ вышелъ съ какимъ-то безразличнымъ видомъ, съ лицомъ, будто вырубленнымъ изъ дерева. И пища не шла ему въ горло, словно и оно одеревенѣло, теряя способность глотать.

— Видѣлъ? — безпокойно спросила Прасковья Антоновна мужа тотчасъ же, когда они встали изъ-за обѣденнаго стола.

— Что видѣлъ?

— Степочка опять ничего не ѣлъ.

— Боленъ!

— Боленъ? — уныло воскликнула Прасковья Антоновна.

— Да. Юбочнымъ тифомъ и амурной лихорадкой.

— У-у, — замахала руками Прасковья Антоновна: — мальчишка еще ничего не понимаетъ, такъ онъ самъ за него сочинительство сочиняетъ, которое ему пріятно!

— Это въ двадцать-то лѣтъ не понимаетъ? Въ двадцать лѣтъ любой дуракъ любовную канитель во-какъ обмозгуешь! — стоялъ на своемъ Илья Никитичъ.

Уже вечерѣло, а Степа все еще не спѣшилъ идти въ усадьбу Стуколкина. Онъ все выпрашивалъ самъ у себя болѣе продолжительнаго отдыха, точно предшествующій розыскъ такъ больно натрудилъ всѣ его кости, что у него совсѣмъ начинала пропадать охота къ продолженію своихъ обследованій, какъ онъ боязливо называлъ то, надъ чѣмъ онъ работалъ.

— Погожу еще немножко, — говорилъ онъ себѣ: — а? Вѣдь не каплетъ же надо мною въ самомъ дѣлѣ? Отчего бы мнѣ и не отдохнуть тогда.

Не разъ онъ подмѣтилъ въ себѣ все возраставшее желаніе отказаться наотрѣзъ отъ всѣхъ своихъ плановъ, и не будь у него въ карманѣ ключа отъ кладовой, онъ, можетъ-быть, и поставилъ бы въ своихъ дѣяніяхъ самую рѣшительную точку. Но этотъ ключъ явился ужъ очень большимъ соблазномъ. Рѣшившись на воровство этого ключа («похищеніе», какъ называлъ Степа этотъ свой проступокъ), онъ какъ бы заперъ за собой этимъ ключомъ дверь отступленія, умышленно засадивъ себя въ волючю яму.

Между тѣмъ, когда первыя звѣзды робко глянули съ неба на землю, Степа опять ушелъ къ усадьбѣ Стуколкина, видимо уже прехрѣшивъ, что отступленій для него нѣтъ и быть не можетъ. Пошелъ онъ старымъ путемъ, черезъ садъ, почти не принимая никакихъ мѣръ предосторожности, и опять онъ столкнулся съ Фелицатой, снимавшей съ вѣтокъ спрени просушенные полотенца. Степа растерялся отъ неожиданной встрѣчи и остановился какъ столбъ. А Фелицата, увидѣвъ его, внезапно расхохоталась, вся изгибаясь и хлопая себя по колѣнамъ жирными руками.

— Вы опять за долотомъ? — выговорила она, вся сотрясаемая отъ хохота.

Степа стоялъ въ недоумѣніи и замѣшательствѣ.

«О чемъ это она со смѣху-то помираетъ?» — волновало его безпокойство.

— Опять за долотомъ? Онъ опять за долотомъ! Онъ каждую минутку свое долото ломаетъ, — въ то же время хохотала Фелицата, неистово хлопая себя по колѣнамъ и будто порывисто кланяясь отъ смѣха. — У него нехватка въ долотѣ опять произошла, — болтала она съ надувшимся отъ хохота лицомъ. — Охъ, уморилъ онъ меня! Охъ, батюшки, того и гляди, я лопну!

— Чего ты? — гнѣвно цыкнулъ на нее Степа.

Та перестала смѣяться, съ усиліемъ поборовъ въ себѣ смѣхъ.

— А хотите, я Андрею Ивановичу скажу? — вдругъ спросила она его безъ смѣха, но игриво.

— Чего? — спросилъ ее Степа, блѣднѣя и точно не вѣря своимъ ушамъ.

— Андрею Ивановичу скажу? Хотите?

Глаза Фелицаты играли лукавствомъ, и духъ захватило у Степы.

— Чего скажешь? Андрею Ивановичу? — съ трудомъ процѣдилъ онъ.

— А вотъ о вашихъ секретахъ, — играла глазами Фелицата.

— Ты! — злобно крикнулъ Степа. — Пос-смѣешь! Ты!

Онъ сжалъ кулаки, чувствуя въ груди приливъ ненависти.

Но Фелицата будто не замѣчала закипающихъ въ немъ чувствъ.

— Да хоть бы и я! — болтала она. — Ему и вотъ на этотъ вотъ счетъ: какое вамъ долото нужно?

Она вдругъ подошла къ Степѣ и тронула его за рукавъ. Степа все еще кипѣлъ въ гнѣвѣ и страхѣ.

— Вотъ вамъ какое долото нужно, — между тѣмъ выговорила та. — Вотъ какое! Вотъ съ такими волосами и вотъ съ такими вотъ глазами! Да? И которое ходитъ вотъ такъ!

Она прошла мимо Степы неуклюже, но пробуя придать своей походкѣ какъ можно больше граціи и дѣлая губами звукъ, похожій на шелестъ шелка.

— Дз, дз, дз, — дѣлала она губами: — вотъ это долото, которое вамъ нужно!

И она вновь разразилась хохотомъ.

— Долото это какъ зовутъ? Дарьей Архиповной? — воскликнула она затѣмъ сквозь неистовый смѣхъ.

Степа догадался.

— Ф-фу, — вздохнулъ онъ всей грудью и подумалъ: «А я какъ испугался-то! О чемъ, думаю, она хочетъ сказать Андрею Ивановичу?» Ф-фу, — снова вздохнулъ онъ.

— Ну ты и дура, — сказалъ онъ ей безъ всякой злобы и даже какъ-будто радуясь чему-то.

— Дура да догадлива! — снова прыснула та. — И спѣшу васъ упредить непріятнымъ сюрпризомъ. И Андрей Ивановичъ и долото изъ гостей еще не пріѣхали. Загляните къ намъ попозже. Тогда мы вамъ грабли починимъ! — прыскала та смѣшкомъ.

— Не пріѣхали? — съ притворнымъ удивленіемъ переспросилъ Степа, благосклонно улыбаясь.

— Не пріѣхали!

— Жаль!

— Еще бы не жаль. Теперь когда грабли свои почините?

— Отстань, ду-ура, — протянулъ Степа и пошелъ прочь.

Съ полчаса онъ пролежалъ на берегу ручья, наблюдая, когда Фелицата скроется въ комнатахъ, и поглядывая на блѣдныя звѣзды, задумчиво мерцавшія землѣ, какъ очи призраковъ.

Заря гасла, и словно рубиновые угли рѣди теперь тамъ, гдѣ еще недавно горѣло цѣлое море цвѣтистаго пламени. Когда сизый воздухъ полей словно налился синью и звѣзды ярче выступили на небесахъ, Степа поднялся на ноги и осторожно двинулся къ каменной кладовой. Уже одинъ видъ ея будто пробудилъ его, выводя изъ того безразличнаго оцѣпенія, въ которомъ пребывало его сознание. Приливъ острыхъ и рѣзкихъ ощущений какъ бы толкнулъ его въ спину, забирая и засасывая его въ себя, какъ болотная топь засасываетъ оступившагося быка. Степа вставилъ ключъ въ замокъ двери; всѣ давешнія его чувства смыло какъ волною, и онъ уже не колебался болѣе. Юркнувъ въ полутворенную дверь, онъ зажегъ свой карманный фонарикъ и съ головою ушелъ въ розыски. Съ фонарикомъ въ рукахъ, бросившимъ оранжевое пятно свѣта, онъ бродилъ между каменныхъ стѣнъ, блѣдный, трепещущій, по сосредоточенный, блуждая среди рухляди, наполнявшей кладовую, выискиваясь среди этого хаоса, какъ отверженная тѣнь. И круглое пятно свѣта, отраженное стѣною, порою такъ же внимательно глядѣло на него. Можно было подумать, что и кладовая такъ же старательно разглядываетъ его своимъ желтымъ неморгающимъ глазомъ, стараясь поглубже заглянуть въ его душу. И Степа по

Приготовление къ выпуску чугуна.

Картина Е. Гр. Герунгъ-Карпинской (Конкурсная выставка 1907 г. въ Академіи Художествъ, въ С.-Петербургѣ).



временамъ содрогался подъ этимъ тупымъ и упрямымъ взоромъ бездушнаго камня въ безотчетномъ трепетѣ. Стена оглядѣла каждую вещь, оцупать своею рукою каждый пучокъ кудели, каждую втулку колеса, подавшуюся ему подъ ноги. И все-таки онъ не нашелъ здѣсь ни одной вещи, ни единого гвоздика, впущающаго хотя какія-либо подозрѣнія. Его взоръ прошелся по стѣнамъ кладовой сотни разъ, какъ самый суровый слѣдователь, и все-таки не нашелъ тамъ ничего. Впрочемъ, не совсѣмъ-таки ничего. Ни единой подозрительной вещи онъ дѣйствительно въ кладовой не разыскалъ, но все же ему чудилось здѣсь присутствіе чего-то такого, убѣждавшаго его въ сознаниі, что здѣсь очень и очень неладно. Но въ чемъ именно выразалось это неладное состояніе, Стена все-таки не могъ себѣ объяснить. Онъ провозился въ этой кладовой часа два. Десятки разъ, поставивъ на земляной полъ кладовой свой фонарикъ, онъ выходилъ наружу, оглядывая и снаружи это таинственное зданіе самымъ внимательнымъ образомъ и точно стараясь запечатлѣть его въ своихъ глазахъ съ возможной ясностью. И, возвращаясь затѣмъ назадъ, внутри зданія, онъ точно такъ же какъ бы вымѣривалъ его объемъ и внутри. Онъ нѣсколько разъ продѣлывалъ то же самое, весь поглощенный своею работою и словно превращенный изъ человека въ какой-то механическій аппаратъ. И тогда мало-по-малу послѣ усиленной работы передъ нимъ стало выясняться, въ чемъ заключалась подозрительная неладность этого зданія.

— Какъ будто бы вотъ именно въ

этомъ, — прошепталъ Степа одними губами, освѣщенный новыми мыслями.

Въ самомъ дѣлѣ, теперь онъ былъ убѣжденъ не на шутку, что неладность кладовой заключалась вотъ въ чемъ: снаружи она казалась длиннѣе, чѣмъ внутри, между тѣмъ какъ толщина стѣны ея была настолько незначительна, что она не могла играть въ этомъ рѣшительно никакой роли.

— Вотъ въ чемъ загвоздка, — шепталъ Степа, цѣпаясь среди каменныхъ стѣнъ какъ изваяніе. — До чего хитеръ человекъ.

Самыя сказочныя подозрѣнія шевельнулись въ немъ. Онъ опять выскочилъ наружу, измѣряя зданіе напряженнымъ взоромъ, и снова заглянулъ внутрь.

— Да конечно же это такъ, — пробормоталъ онъ: — снаружи она куда длиннѣе! Вотъ такъ штука. Арабская сказка это, а не кладовая, — бормоталъ онъ въ крайнемъ удивленіи, почти не вѣря собственнымъ глазамъ и полный самого неглагольного смущенія.

Чтобы проверить вѣрность глаза, онъ измѣрилъ зданіе кладовой шагами, и тогда у него въ итогъ получилось: снаружи ея длина оказалась равной 28 шагамъ, даже съ лишнимъ — 28 съ половиной шага. А внутри та же длина ея оказалась равной лишь 25 шагамъ.

— Вотъ такъ диковинка, — изумлялся Степа. — Вотъ такъ шарада!

Онъ опять проверилъ эту длину шагами, и снова у него получилось то же самое: внутри 25 шаговъ, снаружи 28.

— Шарада, — проговорилъ Степа, волнуясь.

Но, можетъ-быть, его обманываетъ и шагъ? Можетъ-быть, сильное волненіе дѣлаетъ его походку крайне неровной? Какъ же теперь ему быть, чтобы наглядно ужъ убѣдиться въ открытой имъ несуразности? Нѣкоторое время онъ проплуталъ среди этихъ вопросовъ, но тотчасъ же отыскалъ и выходъ. Среди всяческаго



Изъ жизни уральскихъ рабочихъ. Картина М. П. Тарновской (Конкурсная выставка 1907 г. въ Академіи Художествъ, въ С.-Петербургѣ).

хлама кладовой онъ нашелъ обломокъ оглобли и измѣрилъ имъ длину зданія какъ снаружи, такъ и внутри.

Результатъ этого измѣренія опять-таки точно подтвердилъ оригинальную несуразность кладовой. При этомъ измѣреніи у него получилось: обломокъ укладывался вдоль стѣны кладовой снаружи—15 разъ, а внутри только—13! Только 13!

— Такъ!—чуть не закричалъ Степа.

Онъ оглядѣлъ стѣны кладовой, точно сказалъ ей ликуя:

— Что? Откликнулась-таки ты мнѣ, проклятая? Ага!

И сердитое ликованіе клокотало въ немъ, темня разумъ.

— Откликнулась?—повторилъ онъ, сотрясаясь.—Одолѣлъ-таки я тебя?

Однако онъ тотчасъ же сообразилъ, что дѣло еще далеко не закончено имъ и требуетъ дальнѣйшаго розыска. Степа снова углубился въ разслѣдованіе. Еще разъ сосредоточенно обойдя всю внутренность кладовой и доискиваясь разрѣшенія тѣнившихся передъ нимъ вопросовъ, онъ вскорѣ же пришелъ къ заключенію, что та стѣна, къ которой былъ приставленъ токарный станокъ Стуколкина, отнюдь не являлась наружной стѣною, а лишь внутренней.

— Это третья стѣна. Внутренняя!—возбужденно бормоталъ Степа, будто несомый волнами.—Внутренняя! Внутренняя!

И эта внутренняя стѣна вмѣстѣ съ наружной, очевидно, замыкала собою какую-то новую комнату, потайную комнату, скрытую отъ любопытнаго глаза. Почему скрытую? Очевидно, Стуколкинъ имѣлъ на то весьма вѣскія причины. И можетъ-быть, и вся-то эта кладовая была построена главнымъ образомъ лишь для той потайной комнатки. И даже навѣрное только для нея. Что это однако за комната?

— У-узенъкая, у-узенъкая,—пробормоталъ Степа:—и вся въ полкахъ! А на полкахъ все деньги, деньги и деньги!

Словно пламя дохнуло въ лицо Степы, и остро-мучительное чувство заиграло имъ, какъ вѣтеръ играетъ безсильной мочалою. Онъ отбѣнѣлъ, глядясь въ сумракъ безмолвнаго зданія и отдаваясь захлестывавшей его волнѣ...

Это было давно. Но онъ это видѣлъ. Онъ игралъ какою-то игрушкой. Онъ былъ такъ малъ, такъ малъ. Чѣмъ именно игралъ онъ? Какъ будто бы лошадкой. Да. Пѣгенькой въ сѣрыхъ яблокахъ. Съ хвостомъ изъ мочалы. И вотъ тотъ человѣкъ подошелъ къ нему. Тотъ проклятый! Отравившій его кровь! Подошелъ и сказалъ:

— Хочешь, я передъ тобою похвастаюсь? Ну? Передъ взрослыми хвастать мнѣ, пожалуй, того. Того-тогосеньки! Опасно! Такъ я хоть передъ тобой? Хочешь?

Да. Да. Онъ говорилъ ему такъ! Онъ говорилъ ему такъ. И онъ

взялъ его за руку и привелъ въ ту комнату. Въ ту забытую комнату. Нѣтъ, незабвенную! И Степа увидѣлъ ее, узенькую какъ коридоръ. Онъ видѣлъ эту комнату съ полками вдоль стѣнъ. А на полкахъ все деньги, деньги и деньги. И тотъ сказалъ ему:

— Если я захочу, я могу закупить себѣ хоть полмира на эти самыя деньги!

И въ комнату горѣла свѣча. Въ подсвѣчникѣ странной формы. И Степу тогда интересовалъ больше подсвѣчникъ, чѣмъ деньги. Но все же ему стало страшно, и онъ чуть не расплакался.

А потомъ тутъ выросла стѣна высокая до самаго неба.

Онъ это видѣлъ, видѣлъ...

Горячія волны шумно плескались вокругъ Степы, и онъ стоялъ среди сумрачной кладовой, точно и самъ рожденный сумракомъ.

«Проклятый! Зачѣмъ ты погубилъ меня?» — хотѣлось ему кричать неистово.

Новый порывъ приподнялъ-было его, словно желая его вынести вонъ изъ этого смраднаго болота, но тотчасъ же сбросилъ его обратно въ бездны. Степа отеръ одинокую слезинку, выползшую изъ его глаза, и какъ-то весь выгнулся, какъ звѣрь, приготовляющійся къ прыжку. Съ заснувшимъ разумомъ и съ тѣлодвиженіями животнаго, онъ осторожно крался къ токарному станку и думалъ:

«Если отодвинуть этотъ станокъ, тамъ-то и будетъ дверь въ ту комнату. И она теперь въ моихъ владѣніяхъ. Вся та комната! Моя! моя она!»

Улыбка некрасиво растягивала его ротъ, и онъ чувствовалъ отъ нея боль какъ отъ судороги. Выгибая свою спину, онъ все крался. Но въ эту минуту его настороженное какъ у звѣря ухо чутко уловило какъ бы звонъ бубенчиковъ.

«Стуколкинъ ѣдетъ, — мелькнуло въ немъ:—возвращается домой!»

Однимъ прыжкомъ онъ очутился у двери. Однако, прежде чѣмъ выйти изъ кладовой, онъ выглянулъ въ щель. Убѣдившись, что экипажъ Стуколкина еще далеко, онъ покинулъ кладовую, тѣмъ же моментомъ заперевъ за собою дверь. Вбѣгомъ онъ добѣжалъ затѣмъ до аржаного поля и упалъ въ рожь, чтобы глазъ Стуколкина случайно не замѣтилъ его. Сердце шибко стучало въ его груди, наполняя его слухъ шумомъ. И колосъ шептался надъ его головою съ колосомъ. Домой онъ возвратился только черезъ часъ съ какою-то опустошенной душою.

— Ты гдѣ былъ?—тихо спросилъ его Кодря.

— Не твое дѣло,—огрызнулся онъ на брата.

Успѣхъ его дѣла былъ уже для него очевиденъ, но онъ не зналъ, надо ли ему теперь ликовать или плакать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Е Л Ъ.

Разсказъ С. Свириденко.

Немногіе знаютъ, какъ страшно заблудиться въ горахъ. Это страхъ совершенно другого рода, чѣмъ который испытываетъ заблудившійся въ лѣсной чащѣ. Въ лѣсу всѣ впечатлѣнія гораздо однообразнѣе, проще, въ каждое данное мгновеніе приблизительно знаешь, чего ожидать; испытываешь жуткую тоску, томишься своею беспомощностью, но пока душа не доходитъ до пароксизма страха—настроение остается сравнительно спокойнымъ... Не то въ горахъ. Заблудившись тамъ, все время находишься въ состояніи напряженной тревоги: все время ждешь чего-нибудь новаго и ужаснаго, какой-нибудь грозной западни, въ которую можно угодить на каждомъ шагу... Чувствуешь себя точно въ заколдованномъ царствѣ враждебнаго волшебника, который забавляется тѣмъ, что создаетъ то и дѣло новыя страшныя препятствія на пути смѣльчака, дерзнувшаго вступить въ его заповѣдные предѣлы. Предметы, казавшіеся близкими, неслышно и таинственно отступаютъ, когда хочешь ихъ достигнуть; въ любой моментъ, за выступомъ скалы, который огибашь въ надеждѣ найти потерянную тропинку,—внезапно вырастаетъ на пути отвѣсная стѣна, или раскрывается подъ ногами такой обрывъ, отъ котораго темнѣетъ въ глазахъ и замираетъ сердце... Идя по ровному свободному скату, гдѣ отдыхаютъ ноги отъ крутыхъ подъемовъ по каменнымъ уступамъ,—неожиданно слышишь за собою приближающійся гулъ обвала и не знаешь, какъ спастись отъ налетающей гибели, кинуться ли въ сторону, броситься ли ничкомъ на землю, или бѣжать впередъ... И странно-подвижными, живыми, угрожающими кажутся кругомъ угрюмыя исполинскія горы, щетинистые лѣсистые склоны, рѣзкіе уступы обнаженныхъ скалъ, и черная пустота ущелій, гдѣ съ гулкимъ грохотомъ мчатъ потоки свои сѣдыя пѣныя воды, и даже самая

даль—обманчивая, живая горная даль, прозрачно-голубая и мягкая, въ которой плывутъ и таютъ далекія вершины...

Въ одинъ ясный, холодный августовскій день я пошелъ въ горы безъ проводника изъ небольшого селенія, гдѣ проживалъ въ гостиницѣ, и—сбился съ пути.

Послѣ четырехъ часовъ безплоднаго скитанья по альпійской пустынѣ я утомился физически и духовно до полнаго изнеможенія. Я былъ положительно близокъ къ отчаянію, когда изсохшее русло горнаго ручья, принятое мною за тропинку, еще разъ привело меня въ глухую скалистую тѣснину, откуда не было выхода и гдѣ со всѣхъ сторонъ поднимались отвѣсныя, совершенно нагіе сѣрые утесы... Силы мнѣ измѣнялись; я опустился на камень и безпомощно оглянулся во всѣ стороны.

Неожиданное открытіе заставило меня вскочить на ноги. Въ той сторонѣ, откуда я пришелъ, на крутомъ, почти безлѣсномъ горномъ склонѣ, стояла хижина, прислоненная къ скалѣ и, повидимому, хорошо защищенная исполинскимъ деревомъ, возвышавшимся на скалѣ надъ самою ея крышей. Одинокое жилие казалось не очень отдаленнымъ,—и если я его давеча не замѣтилъ, то, очевидно, потому, что всецѣло обращалъ вниманіе на свою миную тропинку, боясь потерять ее. Изъ плоской крыши хижины, на которой по альпійскому обыкновенію лежало нѣсколько десятковъ камней (для тяжести, чтобы крышу не снесло вѣтромъ), поднимался легкій синій дымокъ: значитъ, въ жилищѣ были люди, былъ кто-нибудь, у кого я могъ найти пріютъ, узнать дорогу... И почти забылъ про свою усталость и поспѣшно направился къ хижинѣ.

Разумѣется, горный воздухъ и на этотъ разъ обманулъ меня:

разстояніе оказалось гораздо больше, чѣмъ я ожидалъ. Къ тому же пришлось карабкаться по крутымъ скаламъ, — тропинки, которая привела бы меня къ жилью, такъ и не оказалось, — и прошель добрый часъ, пока мнѣ удалось добраться до цѣли. Вблизи хижина имѣла ветхій и непривѣтливый видъ. Быстроенная частью изъ бревенъ, частью изъ каменныхъ глыбъ, она потемнѣла отъ старости и ослѣла на одинъ бокъ; покосившаяся дверь дала трещину. Дверь была заперта, наглухо закрыты были и тяжелыя ставни единственнаго окошка, несмотря на то, что до заката солнца еще оставалось довольно времени. Особенно угрюмый видъ придавала хижинѣ круто нависшая огромная скала, къ которой она прильпилась однимъ бокомъ; тяжелый гранитный выступъ словно каждое мгновеніе грозилъ раздавить ветхую крышу, какъ будто испуганно припавшую подъ нимъ въ ожиданіи разрушительнаго удара. На атомъ выступѣ, едва засыпанномъ легкимъ слоемъ навѣянной вѣтромъ земли, словно чудомъ держалось огромное дерево: могучая, косматая ель, крѣпко обхватившая своими толстыми корнями буристую поверхность гранита и точно приподнявшаяся на нихъ, какъ приподнимается на когтяхъ готовящійся взлетѣть орелъ. Часть корней, не находя себѣ опоры, свѣшивалась надъ краемъ скалы и опускалась на крышу хижины, разбѣгаясь по ней толстыми змѣями и впиваясь въ тонкій слой земли и моха, накопившіяся тутъ съ годами. Эти корни, причудливо изогнутые, имѣли странный, зловѣщій видъ; въ ихъ сильныхъ узахъ чувствовалось могучее напряженіе, глухая, медленная, тайная жизнь, точно они могли вдругъ стать подвижными — зашевелиться, поползти... И мрачную тѣнь бросали на нихъ низко нависшія, густыя, почти до черноты темныя вѣтви исполинскаго дерева.

Если съ той стороны, откуда я пришелъ, добраться до хижины оказывалось нелегко, — то съ противоположной стороны она была безусловно недоступна. Въ двухъ шагахъ отъ нея горный склонъ круто обрывался, и за краемъ обрыва зияла узкая черная пропасть, отдѣлявшая гору отъ ближайшей вершины. Ледянымъ холодомъ вѣяло изъ этой бездны, и непрерывно поднимавшаяся оттуда струя холоднаго воздуха заставляла все время колебаться черныя вѣтви ели съ глухимъ, угрюмымъ шумомъ.

Окружавшій хижину ландшафтъ былъ удивительно дикъ и печаленъ: черныя пропасти, крутыя обрывистыя скалы, близко стѣснявшіяся вокругъ со всѣхъ сторонъ, мѣстами, въ просвѣтѣ между двумя утесами, далекій ледникъ, безжизненно блѣвшій надъ чернотой скалистыхъ вершинъ; кое-гдѣ группы елей, подобныя той, что росла надъ хижиной, съ ихъ мрачною, траурною красотою...

Но, несмотря на нерадостное впечатлѣніе отъ хижины и всего окружающаго, я былъ искренно счастливъ тѣмъ, что наконецъ дошелъ до нея, и рѣшительно принялся стучать въ дверь.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже сидѣлъ на скамьѣ у некрашеннаго стола, гдѣ стояла передо мною большая кружка молока и пестрая тарелка съ черствымъ полубѣлымъ хлѣбомъ. Проголодавшись отъ долгаго блужданія по горамъ, я ѣлъ съ аппетитомъ и довольно неуслышно старался завести бесѣду со своимъ хозяиномъ. Онъ сидѣлъ противъ меня, положивъ оба локтя на столъ и опустивъ голову на руки.

Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, худощавый и загорѣлый, какъ всѣ горные жители, съ печальными беспокойными глазами и странною привычкою беззвучно шевелить губами, точно онъ про себя шепталъ что-то.

Впустивъ онъ меня къ себѣ вполне гостепріимно и, узнавъ, откуда я, тотчасъ же предложилъ у него переночевать, такъ какъ до ночи невозможно было успѣть спуститься въ то селеніе, откуда я вышелъ еще въ двѣнадцать часовъ дня. Въ мою честь, онъ пріотворилъ ставни, при чемъ я съ удивленіемъ сообразилъ, что до моего прихода онъ, очевидно, сидѣлъ въ полной темнотѣ. Затѣмъ онъ молча поставилъ передо мною молоко и хлѣбъ, и на всѣ мои вопросы отвѣчалъ односложно и вло, глядя не на меня, а куда-то прямо передъ собою и послѣ каждого отвѣта тотчасъ же принимаясь опять беззвучно шептать что-то...

— Вы всегда здѣсь жили? — спросилъ я его, удивившись тому, что онъ говоритъ со мною не на мѣстномъ нарѣчій, а на почти правильномъ нѣмецкомъ языкѣ, хотя и съ акцентомъ кантона Обвальдена, глотая нѣкоторыя окончанія и произнося очень твердо всѣ буквы, особенно «л», звучащее въ Обвальденѣ въ родѣ русскаго твердаго «л», такъ что, напр., слово «двѣнадцать» — *zwoelf* — выходило у него очень похоже на «цвѣль»... Мой вопросъ какъ будто смутилъ хозяина.

— Я всегда здѣсь жилъ, всегда здѣсь жилъ, — сказалъ онъ быстро и какъ будто тревожно.

— Вы говорите по-нѣмецки, — пояснилъ я свой вопросъ: — я подумалъ, что вы, можетъ-быть, жили въ городѣ...

— Нѣтъ! Я былъ проводникомъ. Ходилъ много съ туристами; привыкъ говорить.

Онъ помолчалъ немного и повторилъ еще разъ:

— Я всегда жилъ здѣсь... Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ умеръ.

— Вы и теперь дѣлаете восхожденія съ туристами?

— Нѣтъ... Теперь не могу. Я хромой: устаю скоро.

Я вспомнилъ, что, когда онъ впустилъ меня, я самъ замѣтилъ его легкую хромоту, только не обратилъ на это вниманія.

Медленно качая головой изъ стороны въ сторону, онъ проговорилъ тихо, умолкая послѣ каждого слова:

— Да, хромой! Навсегда хромой. Съ того самого дня... навсегда.

Многие люди охотно рассказываютъ про свои бѣды. Я предполагалъ, что онъ, быть-можетъ, ждетъ отъ меня разспросовъ, чтобы начать рассказъ.

— Съ вами случилось несчастье въ горахъ? — спросилъ я.

Въ первый разъ за все время разговора онъ внезапно посмотрѣлъ на меня — посмотрѣлъ широко раскрытыми глазами, съ выраженіемъ глубокаго ужаса и тоски.

— Несчастье, — повторилъ онъ тихимъ хриплымъ голосомъ: — да, несчастье... Несчастье...

Онъ еще нѣсколько разъ повторилъ это слово, и постепенно голосъ его понизился до невнятнаго шопота... Потомъ онъ снова опустилъ голову на руки и долгое время не произносилъ ни звука. Я понялъ, что случившееся съ нимъ несчастье не изъ тѣхъ, о которыхъ легко рассказывать. Не умѣя снова завести нашь и безъ того не налаживавшійся разговоръ, я поблагодарилъ моего хозяина и вышелъ немного подышать воздухомъ на порогъ хижины. При вечернемъ освѣщеніи меня еще болѣе поразили зловѣщій видъ окрестныхъ горъ. Мнѣ стало какъ-то жутко и тоскливо при мысли, что придется ночевать въ этомъ потерянномъ глухомъ жильѣ, у мрачнаго, неразговорчиваго хозяина... Но съ этимъ поневолѣ приходилось примириться.

До самой ночи мы не обмѣнялись ни единымъ словомъ съ швейцарцемъ. Когда пришло время ложиться спать, онъ пригласилъ меня въ хижину, гдѣ положилъ для меня на полу охапку душистаго горнаго сѣна. Самъ онъ спалъ на широкой скамьѣ, приделанной вдоль очага, гдѣ еще тлѣло нѣсколько углей.

Меня поразила заботливость, съ какою мой хозяинъ запиралъ дверь передъ отходомъ ко сну: изнутри къ ней были приделаны три огромныхъ желѣзныхъ засова; онъ плотно задвинулъ всѣ три, кромѣ того взялъ изъ-подъ скамьи толстый желѣзный пруть и продѣлъ его концы въ два кольца, вдѣланные для этой цѣли по обѣ стороны двери... «Отъ кого запирается въ этой пустынѣ?» — подумалъ я.

Хозяинъ кратко пожелалъ мнѣ доброй ночи и улегся на своей скамьѣ. Легъ и я.

Эту ночь я провелъ очень дурно. Правда, заснуть мнѣ удалось довольно скоро. Но сильное утомленіе, душный воздухъ наглухо запертой хижины, быть-можетъ, также невеселое впечатлѣніе, полученное отъ жилища и его обитателя, — все это сдѣлало мой сонъ беспокойнымъ, тяжелымъ, томительнымъ, сопровождавшимся странными кошмарами... Я слышалъ, какъ кто-то снаружи брасся за дверь, стучалъ въ нее чѣмъ-то жесткимъ и упругимъ, точно большая ящерница била по ней хвостомъ; и отъ этого стука гнетущій страхъ сдавливалъ мое сердце. Я слышалъ, какъ дверь подается, какъ трещатъ засовы, какъ она наконецъ падаетъ внутрь хижины — и съ крикомъ просыпался среди глубокой, почти жуткой тишины: той тишины, которая бываетъ только на горныхъ высотахъ. Безъ сомнѣнія, странная старательность, съ какою швейцарецъ вечеромъ запираетъ свое жилище, запечатываясь въ моемъ воображеніи и отражалась въ мучительныхъ, тревожныхъ грезяхъ. Я то и дѣло слышалъ, — даже, какъ мнѣ казалось, еще въ бодрствующемъ состояніи, — что кто-то крадется вдоль стѣнъ, оцупываетъ бревна, всовываетъ въ щели длинныя крѣпкіе пальцы, шаритъ и стучитъ по крышѣ... Привлекшее мое вниманіе наканунѣ чудовищныя корни ели постоянно фигурировали въ мучившихъ меня кошмарахъ. Мнѣ снилось, что яркій лунный свѣтъ откуда-то проникаетъ въ хижину; и при этомъ свѣтѣ я явственно видѣлъ, какъ изъ всѣхъ щелей просовываются какія-то темныя, узловатыя шупала, безпокойно двигаются, цѣпляются за выступы дерева, понемногу вытягиваются, становятся все длиннѣе, длиннѣе, расплзаются, какъ змѣи — по стѣнамъ, по полу... это корни. Страшные корни мрачнаго дерева... Змѣи становятся все толще, ихъ все больше и больше: причудливыя, уродливыя извивы ихъ покрываютъ весь полъ; они ползутъ ко мнѣ, глухо стуча по дощатому полу... Я вскрикиваю — и просыпаюсь. Этотъ безобразный кошмаръ повторялся нѣсколько разъ, и каждый разъ съ еще большею ясностью и ужасомъ. Пробужденіе меня не успокаивало, потому что я чувствовалъ, что сейчасъ засну снова — и повторится то же самое. И уже проснувшись я продолжалъ слышать какіе-то непонятные шорохи и постукиванія, шуршанье и царапанье по крышѣ... Я боролся со сномъ, но противъ воли засыпалъ опять, и тотчасъ же возникалъ прежній кошмаръ. Особенно ужасенъ онъ былъ въ послѣдній разъ. Мнѣ приснилось, что чудовищныя змѣи-корни уже допознали до меня и обвиваютъ мое тѣло крѣпкими, твердыми сплетеніями. Я пробую вырваться, но мои пути стягиваются все крѣпче и крѣпче, концы ихъ со всѣхъ сторонъ врастаютъ въ полъ вокругъ меня, и они со страшною силою придавливаютъ къ полу мое тѣло... Сверху напозааютъ все новыя и новыя корни; я не могу пошевелиться, не могу крикнуть и чувствую, какъ дыханіе мое постепенно слабѣетъ... я хочу позвать на помощь моего хозяина, смотрю въ его сторону — и замѣчаю, что его уже не видно: все его тѣло исчезло подъ черными движущимися клубкомъ корней, крѣпко обвившихъ его вмѣстѣ со скамьей, гдѣ онъ лежалъ... И изъ этой черной, по-змѣиному копошащейся массы я слышу его полузадушенный голосъ, странный, монотонный, какъ будто ничего не выражающій, который произноситъ: «Вѣдь это и есть несчастье... мое несчастье... несчастье...» Отъ этихъ безсмысленныхъ словъ дикій ужасъ охватываетъ меня; въ то же время я чувствую, что не могу больше дышать — корни меня душатъ... Въ предсмертной тоскѣ, я дѣлаю послѣднюю отчаянную попытку двинуться, закри-

чать—и просыпаюсь. После этого сна я вскочилъ, испытывая такое нестерпимое нервное возбужденіе, что готовъ былъ кричать или плакать, какъ испуганный ребенокъ. Въ щель ставней проникъ слабый лучъ разсвѣта. Мой хозяинъ лежалъ навзничъ, свѣсивъ голову со скамьи, и во снѣ стоналъ страннымъ, неестественнымъ голосомъ, отъ котораго дрожь пробѣгала у меня по тѣлу. Я уже собирался разбудить его, но онъ самъ проснулся и, увидѣвъ, что я всталъ, принялся варить для меня кофе, не отвѣтивъ ни слова на мое утреннее привѣтствіе.

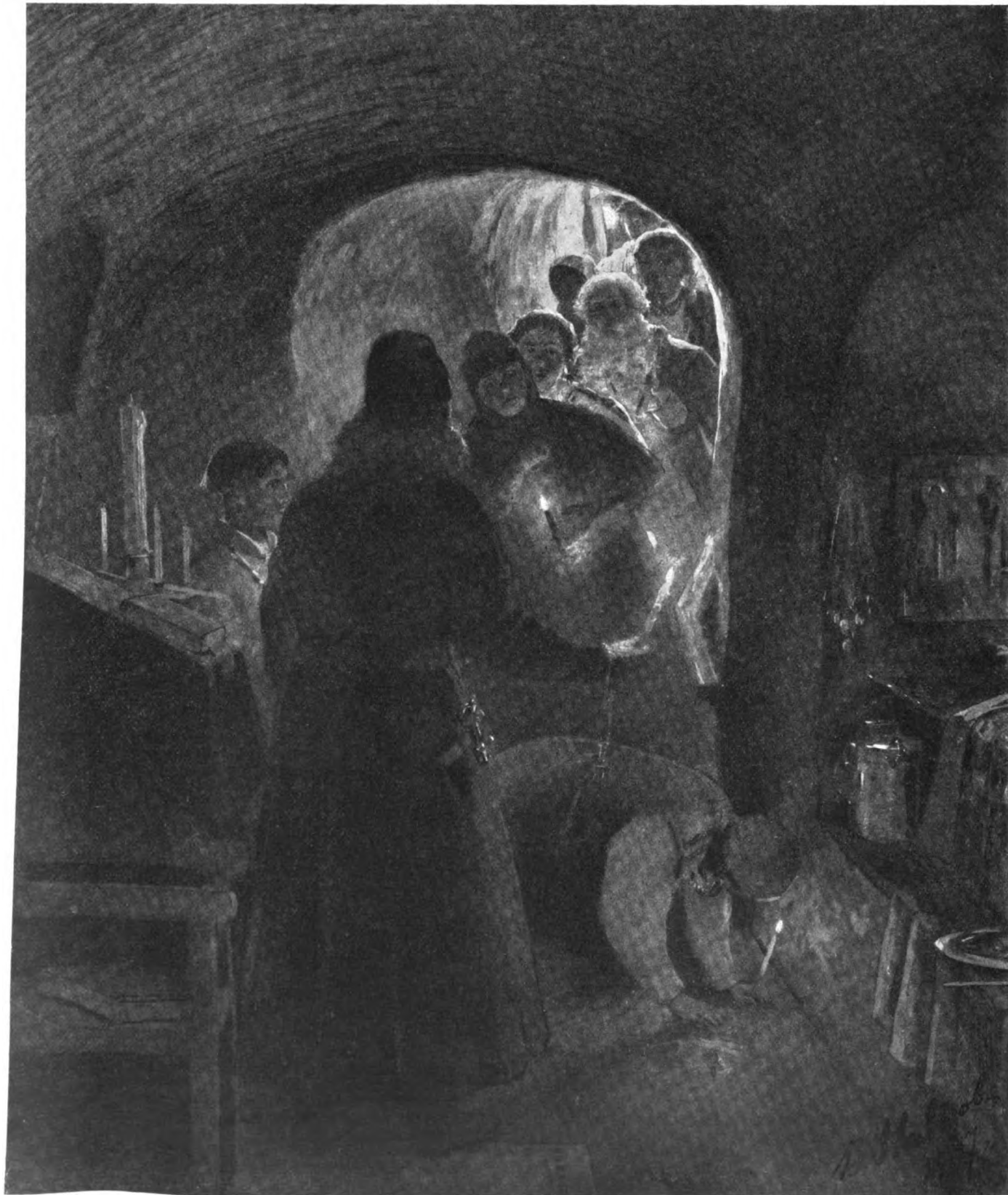
Съ зарею онъ проводилъ меня до половины дороги къ селенію, откуда я пришелъ, и распростился со мною на одномъ поворотѣ, дальше котораго уже невозможно было сбиться съ пути... Я далъ

ему денегъ; онъ принялъ ихъ, буркнувъ что-то невнятное, долженствовавшее означать благодарность.

Хозяинъ сельской гостиницы, гдѣ я остановился, очень озабоченный моимъ исчезновеніемъ наканунѣ, сталъ меня спрашивать объ экскурсіи. Когда я описалъ ему мѣсто моего ночлега, онъ съ удивленіемъ воскликнулъ:

— Вотъ гдѣ вы были!.. Я бы не подумалъ, что хромой Ксаверль (Ксаверій) окажется такимъ добрымъ хозяиномъ...

— Не скажу, чтобы онъ былъ очень радушенъ, — замѣтилъ я: — это какой-то странный человекъ, отъ него слова не добьешься...



Хожденіе по св. пещерамъ Печерской лавры въ Кіевѣ.

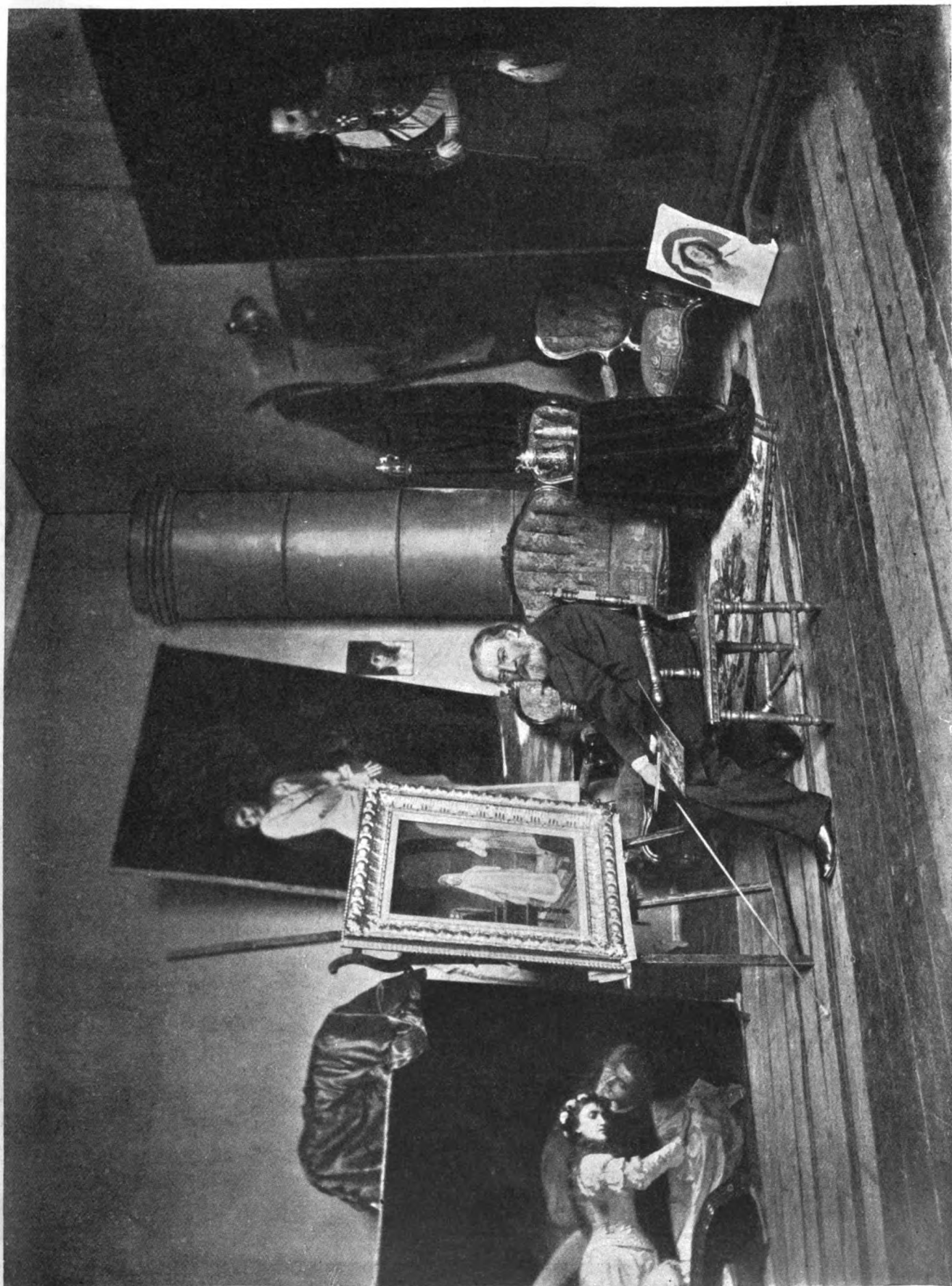
Картина В. Навозова (Весенняя выставка 1907 г. въ С.-Петербургѣ).

- Да, онъ всегда былъ невеселый, а ужъ послѣ того дѣла...
- Какого дѣла?
- Послѣ несчастья. Онъ съ тѣхъ поръ совсѣмъ потерянный человекъ.
- Расскажите мнѣ, что съ нимъ случилось.

Горные жители обыкновенно скупы на слова; но частое общеніе съ путешественниками, особенно съ болтливыми иностранцами, сдѣлало владѣльца «Золотого Льва» болѣе разговорчивымъ, чѣмъ большинство обервальденцевъ. Онъ утвердительно кивнулъ на мой

вопросъ, раскурилъ свою коротенькую трубку и рассказалъ мнѣ своимъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ страшную драму, разыгравшуюся въ горахъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ...

— У насъ всѣ знаютъ про хромого Ксаверья. Онъ вѣдь отсюда, отъ насъ. Ихъ было два брата, два сына у стараго рѣзчика Франца... Старшій Ксаверль, и другой — Вольфгангъ. Разные были братья. Знаете, случается такъ: на одной вѣткѣ двѣ груши — одна сладкая, другая кислая. Вотъ и эти два. Вольфгангъ красавецъ, весельчакъ, для всякаго доброе слово есть... а Ксаверль всегда волкомъ смот-



К. Б. Венигъ въ своей мастерской. По фот. I. Глыбовскаго авт. «Нивы».



Палаццо Вендраменъ въ Венеціи, въ которомъ скончался Р. Вагнеръ 13 февраля 1883 г.



Домъ, въ которомъ жилъ Р. Вагнеръ въ г. Ригѣ (здѣсь композиторъ написалъ въ 1838—39 гг. первые два акта оп. „Ріенци“).



Рихардъ Вагнеръ въ 1883 г.



„Бѣлый и Красный Левъ“, домъ въ г. Лейпцигѣ, гдѣ родился Р. Вагнеръ.



Вилла «Ванфридъ» въ Байрейтѣ, въ которой жилъ Р. Вагнеръ съ семьей съ 1874 г.

Рихардъ Вагнеръ.



рѣтъ; хоть и не такой былъ, какъ теперь сталъ. Какъ померъ старикъ, еще замѣтнѣе сдѣлалось: вмѣстѣ вели хозяйство братья, только со старшимъ никто имѣть дѣла не хотѣлъ, къ Вольфгангу всѣ обращались... Знали, что сосѣдъ хорошій, всякому пособить, во всякой бѣдѣ поможетъ. И всѣ любили младшаго... и старики, и молодые, всѣ... И дѣвушки... никто такъ не пѣлъ, никто не игралъ на цитрѣ, какъ онъ... Да, дѣвушки! Изъ-за дѣвушки и пришла бѣда къ братьямъ. Была у насъ тутъ тогда красавица Сузи, дочь богача. Очень она хороша была. Высокая, сильная и румяная, какъ альпійская роза... и когда улыбалась, всѣ наши молодые красавцы терли голову. Я старый человѣкъ, а до сихъ поръ помню, какъ улыбалась Сузи. Обоимъ братьямъ понравилась дѣвушка. Кому она не нравилась?.. Но тутъ сразу особенно пошло. Когда, бывало, встрѣтятся имъ обоимъ—Вольфгангъ такъ и засвѣтится весь, глаза заблестятъ, лицо горитъ, улыбаются, шлюпой ей машетъ; а Ксаверль потемнѣетъ какъ-то, сжегится, отвернется, притворится, что ему до нея дѣла нѣтъ... Понимаете? Тутъ и слѣпой бы увидѣлъ, что и какъ. И какъ дальше пошло, тоже всякій пойметъ. Сузи съ самаго начала только на Вольфганга и смотрѣла, а старшаго брата словно не видала. Пожалуй, только одна она во всемъ селѣ и не знала, что съ Ксаверлемъ дѣлалось изъ-за нея. Онъ даже угрожать ей попробовалъ... застрѣлится серну, принесетъ въ подарокъ. Сузи благодарила, смѣялась... ну и больше ничего. А стоило Вольфгангу принести ей пучокъ цвѣтовъ или горсть орѣховъ—дѣвушка прыгала отъ радости. Отецъ Сузи все видѣлъ и доволенъ былъ: Вольфганга всякій былъ бы радъ взять въ зятья. Никто еще ничего не говорилъ, а всѣ уже ждали, что будетъ свадьба... Вотъ настала весна. Братья отправились въ горы со своими стадами. Пастуха они не держали, и обыкновенно Вольфгангъ все лѣто самъ смотрѣлъ за стадами: Ксаверль велъ тогда прочее хозяйство и ходилъ въ горы съ туристами. Ранней весной туристы нѣтъ, и Ксаверль помогалъ брату на пастбищѣ. Жили они вмѣстѣ въ той пастушьей хижинѣ, подъ елью, гдѣ вы были... У отца Сузи пастбище было неподалеку; дѣвушка каждую субботу ходила туда посмотреть за пастухами, иногда забрать у нихъ сыр и масло... Ходила мимо хижины братьевъ. Ну, понятно, Вольфгангъ сталъ провожать ее... Часто видѣли ихъ вмѣстѣ: онъ тащитъ сыры на плечахъ, у нея въ рукахъ цвѣты отъ него, — и шепечутъ оба, какъ птички Божіи... Всѣ видѣли, и Ксаверль видѣлъ... И все сердитѣе, все злѣе становился. Съ братомъ почти не говорилъ, — а тотъ ничего не замѣчалъ: у него только для Сузи глаза и были... И пришло несчастье. Случилось разъ, что Ксаверль вернулся съ охоты; подходить къ хижинѣ и видѣть, что Вольфгангъ взобрался на скалу надъ крышею, гдѣ ель растетъ... Оттуда, надо вамъ сказать, виденъ послѣдній поворотъ тропинки, гдѣ Сузи надо было пройти; она и показалась уже внизу, и Вольфгангъ махнулъ ей шляпой... Тогда Ксаверль тоже поднялся на скалу... Что они другъ другу сказали, — это знаютъ только горы да Богъ. Но Сузи снизу видѣла, что Ксаверль вдругъ схватилъ брата за плечо и хотѣлъ столкнуть его налѣво, въ пропасть. Вольфгангъ ухватился за ель — онъ былъ гораздо сильнѣе — и оттолкнулъ отъ себя брата. Тогда Ксаверль ударилъ его ножомъ въ грудь... Сузи видѣла, какъ Вольфгангъ выпустилъ вѣтку ели, взмахнулъ руками и исчезъ за краемъ обрыва. Больше она ничего не видала: какъ стояла на тропинкѣ, такъ и повалилась на-земь безъ памяти. Потомъ, когда дѣвушка пришла въ себя, она подумала: ужъ не пригрезился ли ей весь этотъ ужасъ?.. Она пришла къ хижинѣ: ни души. Позвала: никто не откликается. Сузи взобралась тогда на страшную скалу и увидѣла, что всѣ нижнія вѣтки ели забрызганы кровью, даже на корняхъ запеклась кровь,—такъ сильно хлынула она изъ груди Вольфганга. Когда Сузи это увидѣла, она точно рассудка лишилась: она никогда не могла вспомнить потомъ, какъ слѣзла со скалы, какъ вернулась домой. Она прибѣжала туда растрепанная, бѣдная, и смѣялась и плакала — и все только повторяла: «Вольфгангъ — Ксаверль — Вольфгангъ!» На селѣ скоро поняли, что наверху случилось несчастье; поплы на поиски... недалеко отъ хижины нашли Ксаверля, безъ памяти, со сломанной ногой; должно-быть, онъ самъ обезумѣлъ отъ страха, пустился бѣжать и сорвался... А тѣло Вольфганга отыскали только черезъ три мѣсяца, когда уже птицы совсѣмъ расклевали его... Туда незлегко попасть, куда онъ свалился. Ксаверль поправился — только остался хромымъ.

— Его не судили?

— Нѣтъ. Да кто же могъ сказать что-нибудь? Ничего не знали, хоть и догадывались, какъ было дѣло... Сузи опомнилась дня черезъ два, но ничего не рассказала; она и совсѣмъ перестала говорить съ того дня, и не здоровалась даже ни съ кѣмъ... И ужъ не улыбалась... Да. Осенью она заболѣла и только черезъ годъ, передъ смертью, все сказала матери. И умерла. Ксаверля не стали трогать — кому это помогло бы?.. Значитъ, ужъ не могло иначе быть... Но онъ все-таки знаетъ, что мы всѣ думаемъ... оттого и тяжело ему съ людьми... Онъ съ тѣхъ поръ навсегда поселился въ пастушьей хижинѣ; сюда рѣдко приходитъ, когда покупаетъ себѣ что-нибудь... Вотъ уже восемь лѣтъ...

Разскажи замолкъ.

— Странно, — сказалъ я: — что у него хватило духу поселиться тамъ — на томъ мѣстѣ, гдѣ каждый камень долженъ напоминать ему объ убійствѣ. И эта ель...

Мой собесѣдникъ загадочно приподнял брови.

— Да, ель! Вы вѣдь еще не знаете, что вышло съ этою елью. Можетъ-быть, изъ-за ели-то онъ и не могъ поселиться въ другомъ мѣстѣ. Кто-то разъ спросилъ его, отчего онъ на зиму не возвращается въ селеніе, а онъ отвѣтилъ: «Мнѣ у дерева надо оставаться... у того дерева... оно не дастъ уйти!» Мы рѣшили, что у Ксаверля разумъ не въ порядкѣ; а вы вотъ послушайте, что было. Вскорѣ послѣ того дѣла — ель начала расти, расти такъ скоро, какъ ни одна не росла въ нашихъ мѣстахъ... Видѣли вы, какая она громадная? Такой другой во всемъ кантонѣ нѣтъ... Кругомъ деревья ломались отъ снѣгу, кривились отъ вѣтра, бури ихъ выворачивали; ей ничего не дѣлается. Это отъ крови! Ксаверль полилъ ея корни братнею кровью, — вотъ она и стала разрастаться; и Ксаверль уйти отъ нея не можетъ, долженъ смотрѣть и помнить, что сдѣлалъ... За эти восемь лѣтъ она выросла такъ, какъ другая не вырастетъ за двадцать... и корни свои пустила на крышу хижины, надъ головой убійцы... Не можетъ онъ уйти отъ нея!

Разсказъ швейцарца произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Легенда, созданная мѣстнымъ суевѣріемъ относительно ели, особенно поразила мое воображеніе въ связи со странными сновидѣніями, томившими меня въ хижинѣ Ксаверля... Неожиданно для меня самого, въ этихъ дикихъ кошмарахъ оказывалась, при всей фантастичности, извѣстная психологическая правда. Страшная ель дѣйствительно была для братоубійцы врагомъ или, по крайней мѣрѣ, грознымъ обличителемъ, свидѣтелемъ его преступленія, отъ котораго онъ могъ въ страхѣ запирать свою дверь...

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пребыванія у Ксаверля, я покинулъ тихое обвальденское селеніе, а затѣмъ и Швейцарію.

Года четыре я не выѣзжалъ изъ Россіи, и вѣчное очарованіе родной степи надолго смѣнило для меня альпійскій міръ съ его красотой и ужасомъ. Вмѣсто горнаго ландшафта, угнетающаго духъ своими замкнутыми горизонтами, я отдавался обаянію величаваго степного простора; и за утрату бодршаго благоуханія горныхъ травъ меня съ избыткомъ вознаграждала весенняя роскошь цвѣтущей степи — чудный праздникъ красокъ и ароматовъ, съ которымъ не можетъ сравниться ничто на землѣ...

На пятое лѣто я снова очутился въ Обвальденѣ, въ томъ же маленькомъ селеніи, и опять по цѣлымъ днямъ бродилъ въ горахъ.

Въ одно утро у меня явилась мысль — отправиться взглянуть на хижину подъ елью. Меня занимало, сумѣю ли я теперь найти туда дорогу, и хотѣлось узнать, что стало съ владѣльцемъ мрачнаго одинокаго жилища...

Сперва я долго не могъ отыскать тропинки, по которой мы шли съ хромымъ Ксаверлемъ.

Но это меня только подзадорило: я рѣшилъ во что бы то ни стало достигнуть цѣли, хотя бы мнѣ пришлось опять пробродить нѣсколько часовъ въ горахъ. Послѣ довольно долгаго блужданія, я наконецъ попалъ на желанную тропинку и вскорѣ сталъ узнавать очертанія скалы на пути и окружающій ландшафтъ... Наконецъ я увидѣлъ издали и самую хижину, и ель надъ нею. Дерево показалось мнѣ значительно больше, чѣмъ прежде, а въ очертаніяхъ хижины я замѣтилъ какую-то перемѣну, которой однако не могъ еще точно опредѣлить. По мѣрѣ того, какъ я подходилъ ближе, мнѣ начинало казаться, что хижина почти совсѣмъ развалилась, — но сырой туманъ, разорванными клубами ползшій по склону горы, постоянно заволакивалъ часть скалы, иногда и самую хижину, и при невѣрномъ свѣтѣ облачнаго сѣраго дня мнѣ не удавалось ничего разглядѣть какъ слѣдуетъ...

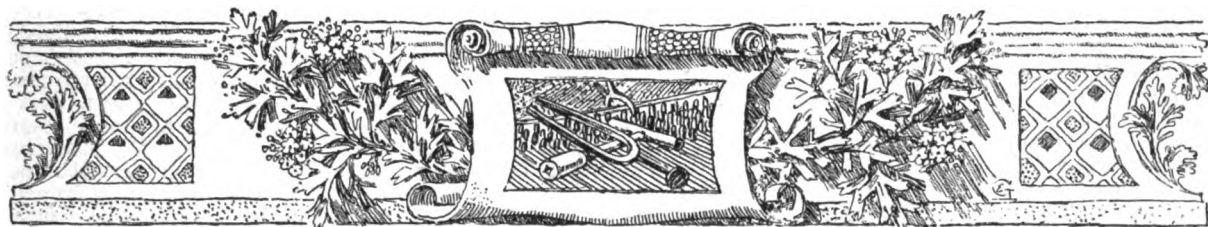
Я дошелъ до послѣдняго поворота. Отсюда хижины не было видно: только ель и скала подъ нею отчетливо вырисовывались передо мною угрюмымъ силуэтомъ. Сырая мгла медленно поднималась позади ели, изъ темной пропасти... Съ этого мѣста несчастная Сузи, только что видѣвшая своего Вольфганга живымъ и счастливымъ, весело приветствовавшимъ ее, была свидѣтельницей братоубійства.

Не знаю, почему я ускорилъ шагъ. На нѣсколько минутъ выступы утесовъ закрыли отъ меня хижину... Потомъ, обогнувъ одну изъ отвѣсныхъ скалъ, тѣснившихся вокругъ тропинки, я разомъ очутился передъ жилищемъ Ксаверля — и увидѣлъ то, чего не позабуду никогда, до самой смерти, хотя бы мнѣ пришлось прожить сто лѣтъ.

Исполинская ель, черная и косматая, высилась прямо и грозно на своемъ скалистомъ подножьи. Нижнія вѣтви ея, непомѣрно разросшіяся, сплоскими траурнымъ навѣсомъ обсыпали наполовину развалившуюся крышу хижины. Вся передняя стѣна совершенно обрушилась, такъ что видна была внутренность жилища. И, темными змѣями протянувшись сверху, раздвигая своими могучими узами оставшіяся балки крыши, безчисленные толстые корни спускались въ хижину; достигнувъ пола, они свисали въ огромный продолговатый клубокъ, возлѣ кучи камней, оставшихся отъ очага. Темно-бурая сплетенія этого клубка крѣпко обхватывали поблѣвшій человѣческій остовъ, вмѣстѣ съ доскою сломанной скамьи, на которой онъ когда-то лежалъ. Безобразные спутанные извивы чудовищныхъ змѣй сжимали со страшною силою искривленные и раздробленные кости; и пальцы одной изъ рукъ скелета остались стиснутыми вокругъ узловатаго корня, словно еще пытались оторвать его отъ костяной шен...



Рихард Вагнеръ. Картина К. Шеннигера.



Двадцатипятилѣтіе смерти Вагнера.

Очеркъ А. Коптева.

Прошло двадцать пять лѣтъ со дня смерти Рихарда Вагнера, такъ овладѣвшаго вкусами нашей публики за послѣднее время. Это даетъ мнѣ удобный поводъ вспомнить о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни великаго композитора.

16 сентября 1882 года онъ уже былъ въ Венеціи, подъ влияніемъ совѣтовъ докторовъ, приказавшихъ ему бросить безпокойный Байрейтъ для тихихъ береговъ Адриатическаго моря. Въ Байрейтѣ маститый композиторъ только-что утомилъ себя прекрасной постановкой своей послѣдней драмы-мистеріи «Парсифаль», и его болѣзнь сердца—предметъ страданій послѣднихъ лѣтъ—стала быстро прогрессировать. Средства композитора возросли до такой степени (доходы послѣднего года его жизни поднялись до 100.000 марокъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ возрастанію театральнаго тапѣтеса, получавшихся со всей Германіи и изъ другихъ странъ), что позволить себѣ комфортъ въ путешествіи—для него ничего не стоило.

Отдѣльный «вагонъ-салонъ» былъ нанятъ для этой послѣдней поѣздки въ Венецію, а здѣсь Вагнеру уже давно приготавлился знаменитый дворецъ Вендраменъ (Vendramen)—одна изъ достопримѣчательностей «царицы Адриатическаго моря». Живописно расположенный у Canale Grande, помѣстительный (28 комнатъ) и архитектурно-красивый, въ каждомъ своемъ камнѣ вызывавшій рядъ историческихъ воспоминаній, онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на престарѣлаго маэстро (Вагнеръ родился въ 1813 году, въ Лейпцигѣ). Большое помѣщеніе было необходимо, ибо съ Вагнеромъ поселились, помимо его супруги, дочери Евы и сына Зигфрида, — двѣ дочери Бюлова, баронъ фонъ-Штейнъ и цѣлый штатъ домашней прислуги, не говоря уже о томъ, что рядъ комнатъ былъ приготовленъ для Листа, художника Жуковскаго (одного изъ лучшихъ декораторовъ Байрейта) и т. д.

Въ этомъ узкомъ кругу лицъ протекли послѣдніе мѣсяцы жизни Вагнера. Объ огражденіи композитора отъ постороннихъ лицъ заботилась его жена; да и самъ Вагнеръ сталъ все болѣе цѣнить одиночество, какъ бы предчувствуя, что смерть не за горами, а дѣла осталось еще много.

Онъ велъ крайне регулярную жизнь: вставалъ въ шесть и писалъ нѣсколько часовъ; никто не имѣлъ права войти въ это время въ его комнату, а вошедшій слуга видѣлъ Вагнера согнутымъ надъ работой. На письменномъ столѣ стоялъ обыкновенно стаканъ вина или коньяка. Такое одиночество продолжалось до десяти часовъ, а то и до двѣнадцати, при чемъ Вагнеръ завтракалъ совершенно одинъ. По окончаніи работы наступало свиданіе съ женой, сообщавшей ему новости и содержаніе подомешнихъ писемъ, при чемъ непріятныя извѣстія тщательно умалчивались, ибо врачъ запретилъ всякое возбужденіе. Между 1—2 часами наступало время обѣда, а затѣмъ Вагнеръ отдыхалъ въ отдаленной комнатѣ, куда не доносились крики гондольеровъ и свистки пароходовъ. Послѣобѣденное время посвящалось отдыху; или шли гулять въ городъ, или предпринималось катаніе въ гондолѣ. Композиторъ спрашивалъ предсказаній погоды у гондольеровъ, и въ томъ случаѣ, если они были хороши, гондола заказывалась къ 4 часамъ: ѣхали за городъ въ Мурано или вдоль Лидо. Вагнеръ находилъ, что соленый морской воздухъ благодѣтеленъ для его легкихъ. Онъ полулежалъ въ гондолѣ, энергично жестикулируя въ разговорѣ со своими, которые жадно ловили каждое его слово...

А если онъ шелъ гулять, то большей частью—одинъ. У Пиацетты обыкновенно отдыхалъ въ какомъ-нибудь ресторанѣ, гдѣ пилъ пиво и ѣлъ сыръ, несмотря на запрещеніе докторовъ. Музыка на площади Марка не доставляла ему удовольствія, и онъ затыкалъ уши отъ звуковъ «Лоэнгрина». А то престарѣлый композиторъ смѣшивался съ венеціанскими нищими, имѣя про запасъ лишнюю пару франковъ, на случай, «когда заговоритъ его сердце». Добродушнаго иностранца въ большой сѣрой шляпѣ знала, въ концѣ концовъ, вся Венеція...

Еще до наступленія сумерекъ Вагнеръ возвращался домой. Безъда съ горячо любимой женой, его секретаремъ и другомъ, чтеніе и декламация самого Вагнера, въ самомъ интимномъ кругу, заполняли вечеръ. Дворецъ тогда горѣлъ безчисленными огнями, приводя этимъ въ изумленіе венеціанскую толпу.

25 декабря 1882 г. Вагнеръ дирижировалъ послѣдній разъ въ жизни, исполнивъ свою юношескую симфонію въ лицѣ Бенедетто Марчелло. Ему было уже нехорошо.

Особенно скверно Вагнеръ почувствовалъ себя послѣ Нового года, несмотря на то, что его пользовалъ прекрасный врачъ —

докторъ Кеплеръ. Но великій композиторъ былъ невозможнымъ пациентомъ: онъ выслушивалъ совѣты докторовъ только для того, чтобы ихъ нарушать. Мощный духъ требовалъ дальнѣйшей творческой работы, а между тѣмъ она была ему запрещена. Крѣпкій кофе приходилъ на помощь тогда, когда ослабляли силы, а это еще болѣе разстраивало организмъ. Къ тому же Вагнеръ принималъ самыя разнообразныя лѣкарства, рекомендованныя ему предъидущими докторами, съ чѣмъ ничего не могъ подѣлать Кеплеръ. Голодовка, перенесенная нѣкогда, въ молодости, въ Парижѣ, давала себя знать... Произошло расщиреніе желудка и ожирѣніе сердца. Въ худую погоду у композитора спирало дыханіе, и, чтобы облегчить себя, онъ закладывалъ на спину, при ходьбѣ, руки.

Обмороки все учащались—и Вагнеръ сталъ относиться внимательно къ медицинскимъ совѣтамъ. Незадолго до рокового дня врачъ разрѣшилъ ему поѣздку съ сыномъ въ Верону, но погода воспрепятствовала ей. 12 февраля (н. ст.) композиторъ почувствовалъ облегченіе, благодаря чему принялся, на слѣдующее утро, за работу съ большой энергіей. Въ этотъ послѣдній день своей жизни онъ всталъ, какъ обыкновенно, и просилъ не беспокоить его до двухъ часовъ: необходимо покончить съ распоряженіями на счетъ байрейтскихъ спектаклей будущаго лѣта,—говорилъ онъ. Шелъ большой дождь, но гондолѣ было приказано прибыть, какъ всегда, къ четыремъ... Вскорѣ послѣ завтрака, во второмъ часу дня, служанка Бетти Бюргель, бывшая въ сосѣдней комнатѣ, услышала, что Вагнеръ тихо зоветъ ее. Она вошла въ кабинетъ: маэстро лежалъ на софѣ, покрытый шубой, съ искаженными отъ боли чертами лица. «Мою жену и доктора поскорѣ!»—проговорилъ онъ съ трудомъ. Это были послѣднія его слова: Козима Вагнеръ застала уже бездыханное тѣло...

Въ нѣсколько минутъ извѣстіе о смерти великаго композитора распространилось по Венеціи — и тысячи телеграммъ полетѣли во все концы свѣта. Муниципалитетъ Венеціи предложилъ вдовѣ перевезти, въ торжественной обстановкѣ, тѣло на вокзалъ, но это было отклонено.

Вагнеръ умеръ въ душный день, во время грозы. Но 16 февраля надъ Венеціей уже было чистое, голубое небо, и солнце сіяло во всемъ блескѣ. Въ два часа дня гробъ былъ перенесенъ изъ дворца въ черную гондолу. Рядомъ, въ такой же гондолѣ, ѣхало семейство почившаго генія. Козима Вагнеръ настояла на томъ, чтобы не было никакой музыки,—и поѣздъ подвигался, въ глубокой тишинѣ, между многочисленными гондолами съ представителями венеціанскаго общества, желавшими отдать этимъ честь великому нѣмцу. Вдали звучали колокола... Особенный, черный вагонъ ожидалъ гробъ.

18 февраля въ Байрейтѣ состоялись грандіозныя похороны. Февральскій вѣтеръ рвалъ черные флаги депутатовъ и раздвигалъ огонь факеловъ громадной толпы, наводившей дорогу отъ вокзала къ виллѣ «Ванфридъ»... Могучая стихія, онъ напомнилъ почившаго художника и такъ же не считался съ условностями, какъ не привыкъ съ ними считаться «неистовый» Рихардъ... Ръчи бургомистра Байрейта и различныхъ вагнеристовъ пытались исчерпать дупу отошедшаго въ вѣчность генія, точно она была предметомъ, который можно было вымѣрить въ высоту и ширину.

Поѣздъ съ тѣломъ Вагнера пришелъ изъ Венеціи въ половинѣ двѣнадцатаго предыдущаго ночью. А теперь уже на пути отъ вокзала къ знаменитой виллѣ стояли громадные каеэдры, задрапированныя чернымъ сукномъ, красовалась цѣлая рядъ махтъ, на которыхъ выведены названія произведеній Вагнера, начиналъ съ «Риенци» и кончалъ «Парсифалемъ»... Къ четыремъ часамъ дня депутація заняла назначенное мѣсто, возлѣ вокзала, но почти терялись въ толпахъ байрейтскаго населенія, увеличеннаго пришельцами со всехъ концовъ Баваріи... И среди колышущихся народныхъ массъ проходили тѣ, которые болѣе или мене близко стояли къ байрейтскому движенію. Ровно въ четыре подняли гробъ—подъ величественные звуки траурнаго марша изъ «Гибели боговъ»—съ колесницы, запряженной четверкой и украшенной великолѣпнымъ вѣнкомъ баварскаго короля.

Послѣ цѣлаго ряда рѣчей, кортежъ тронулся по направленію къ виллѣ «Ванфридъ», имѣя впереди траурныхъ герольдовъ, двѣ колесницы съ вѣнками, хоръ музыкантовъ, духовство. Когда подошли къ старому театру, съ ближайшихъ башенъ раздались удары колоколовъ, смѣшавшіяся съ траурнымъ маршемъ. При приближеніи къ самой виллѣ—было уже пять часовъ—музыка внезапно смолкла—и весь кортежъ напомнилъ какое-то шествіе тѣней... Изъ дома вышли, навстрѣчу гробу, дѣти композитора...

Отходную читать пасторъ Касельманъ, который не коснулся художественнаго значенія Вагнера, желая соблюсти чисто-религиозный характеръ церемоніи...

Лишь самая незначительная часть гостей допущена была къ могилѣ—но и она принуждена была удалиться послѣ религиозной церемоніи. И вотъ, когда всѣ оставили дорогую могилу—появилась Козима Вагнеръ съ дѣтьми; при нихъ гробъ былъ преданъ землѣ.

Знаменитая надпись надъ воротами вагнеровской виллы: «Hier, wo mein Wähen Frieden fand:—Wahnfried—sei dieses Haus von mir beapnt» («Здѣсь, гдѣ моя мечта нашла успокоеніе:—этотъ домъ пусть будетъ названъ «Wahnfried», заставляетъ поставить вопросъ: на чемъ же «успокоился» Вагнеръ? Мнѣ кажется, его постоянною мечтою было: сдѣлать музыку—общественнымъ дѣломъ. Онъ вывелъ музыку на форумъ всенароднаго байрейтскаго торжества и заставилъ признать ее толпу буржуа (герцоги знали ее и раньше), литераторовъ, философовъ, ученыхъ, художниковъ...

Въ XVIII вѣкѣ—композиторы музицировали по своимъ кельямъ. Это было одиночное заключеніе музыкальнаго искусства... Великаго Баха посадили за органъ такъ, чтобы его не видѣла толпа (судьба каждаго органиста!). Концертовъ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, не было: первенствовать домашній концертъ.

Робкія, забытая существа, музыканты боялись показываться въ обществѣ, и ихъ сажали «за отдѣльный столъ» въ примомъ и переносномъ смыслѣ... Въ отношеніи эволюціи ихъ нравственной личности, важенъ гордый Гендель, поставившій себя почти на равную ногу съ лордами Англіи, и еще болѣе гордый и смѣлый Бетховенъ, признанный за равнаго вѣнскаго аристократіи. Но Вагнеръ—не только уже человекъ общества, но и изобрѣтатель жанра, привлекающаго общественное вниманіе. Это—музыкальная драма, въ рамкахъ «байрейтскихъ торжественныхъ представленій». Постройка особаго, спеціальнаго театра подчеркнуть, въ глазахъ толпы, важность музыкальнаго творчества. Окраска предпріятія въ ультра-германскій цвѣтъ дѣлаетъ музыку великимъ національнымъ дѣломъ...

А этотъ шумъ, поднятый вокругъ Байрейта, эта масса брошюръ, газетъ и журналовъ, «разъясняющихъ» Байрейтъ, привлекаютъ литераторовъ и журналистовъ: «если поставлена «проблема», то подразумевается нѣчто важное»—такъ всегда думали нѣмцы. Грандіозное «художественное произведеніе будущаго», о которомъ грезилъ Вагнеръ, требуетъ содѣйствія художниковъ, скульпторовъ, людей пластики: новое обстоятельство, чтобы привлечь новую общественную группу.

Я уже не стану говорить, что пасторы и патеры сильно заинтересовались: вѣдь вагнеровское «искупленіе» сродни ихъ «вѣчному спасенію», а «Парсифаль» указалъ, что въ Вагнерѣ сидѣлъ ксендзъ, случайный лишенный «сутаны».

Итакъ, громадный кругъ лицъ заинтересовался музыкой, которая провозглашена универсальнымъ искусствомъ, а Вагнеръ провозглашенъ императоромъ отъ музыки. Когда императоръ Вильгельмъ пріѣхалъ къ нему въ Байрейтъ, композиторъ достигъ своей цѣли. Сдѣлать изъ приниженаго, третьестепеннаго искусства—искусство властное и первенствующее,—великая и трудная вещь, а Вагнеръ это сдѣлалъ. Онъ явился живой иллюстраціей идеи первенства музыки, провозглашенной Шопенгауэромъ и Ницше. Въ этомъ смыслѣ, совершенно праздный вопросъ, рациональны ли или осуществимы его идеалы музыкальной драмы. Важно лишь то, что они помогли обобществленію и первенству музыки.

Можно объяснить себѣ все искусство Вагнера лишь изъ вѣрной оцѣнки имъ своихъ способностей. Вначалѣ онъ—композиторъ «Тангейзера» и «Лоэнгрина» (написанныхъ въ 40-хъ годахъ)—поклонникъ вокальной мелодіи, подшумановскаго, полунитальянскаго склада. Это потому, что онъ самъ богатъ въ этотъ періодъ красивой мелодіей. Въ «Тристанѣ» (50-е годы) онъ обращается къ безконечной мелодіи оркестра, вовсе не потому, что радикально мѣняются его взгляды (идеалы музыкальной драмы носились въ его воображеніи уже въ сороковыхъ годахъ), а потому, что такъ развиваются его способности, и ему «хочется» теперь разойтись въ оркестрѣ. Затѣмъ, когда оскудѣетъ мелодическій даръ Вагнера, «Гибель Боговъ» предоставитъ голосамъ и оркестру мелодическіе клочки, и все это будетъ подкѣплено теоріей «наиболѣе совершенной системы лейтмотивовъ». Въ трактатѣ «Опера и Драма» Вагнеръ ликвидируетъ инструментальную музыку, потому что самъ не чувствовалъ къ ней призванія, о чемъ краснорѣчиво говоритъ его слабая симфонія.

Эта безконечно энергичная натура все мѣняла «приманки», которыми можно обдѣлать публику. Замѣтивъ, что притворщикъ-нѣмецъ

всегда хочется въ «Венеринъ гротъ», несмотря на укоризненные взгляды Елизаветы, онъ написалъ «Тангейзера», «Тристана» же подарилъ симфонической націи, какъ апоэозъ симфоніи въ оперѣ. Силдность и тяжеловѣсность, возведенныя въ художественный принципъ, даны въ «Мейстерзингерахъ», опять для нѣмцевъ, ихъ соумѣщающихъ. А ужъ въ «Парсифалѣ» все должно было нравиться среднему человеку, средней толпѣ. То онъ весь тонетъ въ благочестивой средневѣковщинѣ («Тангейзеръ»), поскольку романтики Тикъ и Шлегель подкрѣпляютъ его своей дѣятельностью. То празднуетъ апоэозъ страстей («Тристанъ»), любитъ красоту свободнаго, первобытнаго человека («Зигфридъ»), подъ влияніемъ матеріализма Фейербаха, Молешота, Геккеля, завладѣвшихъ умами въ 50-хъ годахъ. А затѣмъ и этотъ матеріализмъ исчезаетъ, когда въ Германіи, подъ влияніемъ военныхъ успѣховъ, воскресла мысль о «божественномъ провидѣніи»—и всѣ хавжи опять поплелись къ кресту: Вагнеръ не остался въ «Парсифалѣ».

А идея «чисто-человѣческаго» искусства, воплощеннаго въ «мноюческой» музыкальной драмѣ, развѣ—не самъ Вагнеръ? Какъ поэтъ-музыкантъ, онъ выскабливаетъ сердцевину мина, освобождаетъ ее отъ историческихъ наслоеній и говоритъ: вотъ—«чистый человекъ».

Но это—лишь приемы, перенесенные изъ его личной жизни: Вагнеръ все время ищетъ самого себя, или человека въ себѣ, и, съ понятой жестокостью, швыряетъ съ своего пути то, что мѣшало общепонятію этого, то-есть его дѣятельности композитора. Революціей 48 года онъ воспользовался какъ предлогомъ, чтобы уйти отъ казенной службы придворнаго дрезденскаго капельмейстера. Мнѣ кажется, своему удаленію изъ Мюнхена въ 1866 году онъ способствовалъ самъ, ибо эта новая придворная дѣятельность при Людвигѣ II отвлекала его отъ прямой задачи жизни. Онъ искалъ въ себѣ истинно-индивидуальное, «чисто-человѣческое» и, узнавъ, что Козима Бюловъ «понимаетъ» его, не замедлил развести ее со своимъ другомъ, Гансомъ, и она досталась ему.

Байрейтъ—опять лишь результатъ исканій самого себя. Вагнеръ оставилъ человечеству свой портретъ, каковаго не дадутъ другіе художники, готовые на компромиссы.

Но его нужно любить несмотря на всѣ недостатки. Я удивляюсь въ немъ самой сильной индивидуальностью XIX вѣка. Какой ростъ, какой размахъ, какая богатая сила! Мнѣ кажется, сама смерть Вагнера обозначила лишь то, что дальше не могло идти развитіе его личности—и послѣ него индивидуальность регрессируетъ и хирѣетъ. Онъ вобралъ въ себя все, на что способна отдѣльная личность.

Въ музыкальномъ смыслѣ, его появленіе было очень важно: не доказавъ ли онъ, что нѣмцы способны не только къ стилю умѣренному, аккуратному и уравновѣшенному, который даетъ себя знать даже у Шумана, но и къ страстнымъ, широкимъ нарастаніямъ, которыми, кажется, не будетъ конца. И если бы эти «взмывающіяся» красоты были болѣе часты въ его партитурахъ, мы сказали бы: самый великій музыкальный гений. Теперь же говоримъ: просто великій.

Мы благодарны Вагнеру за часы глубокихъ музыкальных воспоминаній. Я знаю талантливыхъ музыкантовъ, бросавшихъ музыку подъ влияніемъ толстовщины и вновь возвращавшихся къ ней подъ влияніемъ «Лоэнгрина». У Вагнера дивный даръ къ хроматическимъ гармоніямъ, переливающимся какъ перламутръ. Его «задержанія» стали классическими, а знаменитое группетто будить думшія воспоминанія. У него есть чудесныя темы, но Вагнеръ не тамъ хорошъ, гдѣ удовлетворяетъ своей системѣ, а тамъ, гдѣ мелодія благоухаетъ, подобно розѣ, вопреки всякой системѣ. Я не вѣрю въ «искусство позы», которое ему навязываютъ, но хотѣлъ бы видѣть его послѣдній стиль менѣе тяжеловѣснымъ. Пожалуй, онъ повредилъ ритму, искусству движенія, ибо не признавалъ танца, который не отразился въ его музыкѣ. Онъ заставлялъ ногу «отскокивать» о движеніи (Ницше), но... все-таки вѣчная слава ему за благородную возвышенную музыку, за чудныя настроенія экстаза, то благоговѣйнаго, то вакхическаго. Я представляю его себѣ почему-то въ два момента жизни: когда онъ только-что вступалъ, въ 1839 году, въ Парижъ, съ едва набросаннымъ «Рионци», и тотъ, когда онъ стоялъ уже на байрейтскомъ холмѣ, послѣ перваго представленія «Парсифала». Какъ справедливо могъ онъ гордиться пройденнымъ долгимъ жизненнымъ путемъ!..

Мы должны вспоминать его смерть, а вспоминаемъ его жизнь. Когда вспоминаешь объ этой могучей натурѣ, слово «смерть» не пріидетъ на мысль. Вагнеръ болѣе, чѣмъ многіе въ нашемъ искусствѣ, послужилъ увеличенію того, что позволяетъ назвать жизнь прекрасною.



Новая пьеса Гергарта Гауптмана.

(«Заложница императора Карла»).

Очерк П. Конради.

Имя Гергарта Гауптмана пользуется в Германии совершенно исключительным интересом и уважением. О каждой новой пьесе этого «аристократа духа», сына зальцбруннского трактирщика, становится известно задолго до ее постановки или появления в печати.

Еще за несколько месяцев до постановки «Заложницы императора Карла» разнесся слух, что Гауптман пишет драматическую легенду из цикла саг или сказаний о Карле Великом. Постепенно в печать проникли и более подробные сведения о сюжете нового произведения, определился и день его представления на «Театр Лессинга» в Берлине, куда 12 января н. ст. собрался весь цвет германской литературы, искусства и науки, с Зудерманом и Фюльда во главе. Многие приехали из других городов империи ради новой драмы Гауптмана. Все эти обстоятельства необходимо иметь в виду, чтобы понять, какие высокие требования были заранее предъявлены к «Заложнице императора Карла» как публикой, так и критикой. Разумеется, драма имела успех: Гауптман не может написать неудачной пьесы теперь, в зените своих творческих сил и славы. Мы постараемся дать нашим читателям объективную оценку последней пьесы знаменитого драматурга.

В «Заложнице императора Карла» («Kaiser Karls Geissel»), 4-х-актной драматической легенды девятого века, Гауптман разработал вечно-новую тему о любви могучего старца к юной девушке, о той «кипящей под снежным и облачным покровом Эфи», которую открыл у себя в груди и воспылал посылкой Гете. Это подлинная трагедия старости, и Гауптман, повидимому, вложил в нее муки собственных переживаний. Он далеко еще не старый человек, ему всего 46 лет. Но старость дает почувствовать свою холодную тень задолго до своего наступления, и ее трагедия впервые становится осязательной и понятной всякому, тем более чуткой души художника, именно тогда, когда чувствуешь, что годы идут под уклон все быстрее и круче. Гергарт Гауптман как раз переживает тот критический «пятый десяток», когда впервые рождается беспощадное сознание, что больше никогда молодым не будешь, — сознание, примириться с которым в возраст Гауптмана особенно тяжело: человек еще полон сил, только что покинул страну молодости, и, кажется, стоит лишь сделать шаг, чтобы вернуться туда, один только шаг — увиль! — невозможный, шаг *назад*, навсегда отрезанный бездной вчерашнего дня. Не быть еще стариком и вместе с тем не иметь больше сил быть молодым — нелегко справиться и спокойно осмыслить такое настроение. А когда в жизнь мужчины, который пытается найти разрешение подобной задачи, врывается юность, когда она воплощается в самый обольстительный, нежный и манищий образ из всех своих многоликих проявлений, в образ очаровательной девушки — житейская драма становится трагедией.

Под видимым впечатлением одного из таких переживаний создавалась и новая драма Гергарта Гауптмана, с присущей ему мощью сумевшего «объективировать», или отвлечь от своего сознания эту сущность своей новой личности и художественно воплотить ее в типической фигуре престарелого императора Карла. Недаром в строки всей легенды то там, то там звучат, глубоко проникая в сердце, такие тоны, которые даются слову поэта лишь тогда, когда он всенародно раскрывает и исповедует дух свой. Эта неотразимая сила правды, выкованной тяжким молотом Судбы в томительном жару душевных терзаний, ставит новую пьесу Гауптмана выше других его произведений за последние годы, выше «Девушки с Бишофсберга» или «А Пиппа плачет».

Содержание «Заложницы императора Карла» очень несложно. Карл Великий, полудеянный повелитель средневекового мира, гроза сарацин, славянский мудрец и воин, влюбился в юную заложницу покоренных саксов, по имени Герсвинду. Под влиянием запоздалой любви он дает Герсвинде свободу, которую его возлюбленная воспользовалась главным образом для того, чтобы дарить свои ласки всем встречным мужчинам. Тем не менее Карл снова берет ее к себе и поселяет в своем родовом замке, и даже дарит ей этот замок. А Герсвинда и тут не отказалась от своих первобытных, языческих понятий о любви, превратив императорское поместье в место тайных вакхических оргий. Наконец канцлер Эркомбадь доводит до сведения императора, что Герсвинда поощряет притоны низкого разбора и там пляшет перед всеми, как уличная танцовщица. В первом порыве злости и огорчения Карл хочет казнить свою возлюбленную, но затем жалость к юному созданию охватывает его сердце, и он рывается просто выбросить ее вон. Пусть она возвратится в страну саксов, к себе на родину. Однако Герсвинда отказывается подчиниться императорскому приказу. Она остается в Ахене и идет убожища в монастырь, в том самом монастыре, в котором она, в начале пьесы, была заключена в качестве заложницы и из темной кельи которого любовь Карла извлекла ее на свет Божий.

Здесь, в монастырских стенах, она и кончает свои недолгие дни. Ее отравили — неизвестно кто. Повидимому, канцлер Эрком-

бадь, фанатический поклонник сказочного могущества Карла, идеи его мирового владычества, безжалостно сметающий прочь все, что останавливает шествие Великого к безсмертной славе. И бедняжка Герсвинда разделила горькую участь прежних императорских любимцев, Агнесы Бернауэр и еврейки из Толедо. Что для канцлера человеческая жизнь по сравнению с необъятным величием мировой империи! Песчинка под копытом боевого коня... Герсвинда умерла. Карл облетел глубокой тоской у ее смертного ложа. Но вскоре его душевная мощь возрождается, он вспоминает о своих государственных обязанностях, которыми так долго пренебрегал ради этой девушки. Он извлекает из ножен свой давно бездействовавший меч и велит сделать боевого коня. Пора в поход против датского короля!..

Во всей легенде наиболее исчерпывающе разработаны две центральные фигуры: императора Карла и Герсвинды.

Характер и образ престарелого императора чрезвычайно удался Гауптману. Яркими, типическими чертами вырисовывается в легенде образ Карла. Но это не тот исторический Карл Великий, около имени которого создавался цикл сказаний о рыцарях Круглого Стола и их героических деяниях, не франконский монарх-завоеватель. Конечно, Гауптман старательно изучил и сохранил все черты средневекового стиля, и перед зрителем проходит многое из истории Карла Великого. Идут толпы о воинах с саксами, упоминаются имена их герцогов Видукинда и Гримвальда, говорят об аvaraх и датском короле Готфриде, об императорском наместнике, с помощью которого Карл сдвинул за всем, что делалось в разных концах его громадной империи. Появляется друг и советник Карла, премудрый Алкуин, и Карл называет его «Флакком», а он Карла — Давидом, именем библейского царя-пастыря, которого император особенно чтит. Все это исторически верно, тем не менее гауптмановский император Карл ни по своей психологии, ни по действиям и поступкам не принадлежит девятому веку. Его душа полна раздумий и печали нашего времени, в его уста Гауптман вложил свою философию, плод творческих дум и опыта быстротекущей жизни. Здесь Карл скорее всего напоминает старца Гете, задумавшего гуляющего по дорожкам своего сада, наблюдая рост и возрастание растений.

И весь образ Карла дышит таким же внутренним величием, которое сказывается во всем: в том, как относится старый император к позднему пламени своего сердца, в том, что имеет полную возможность когда угодно овладеть юной заложницей саксов и притом с ее полного согласия, он терпеливо ждет, когда девушка поймет и полюбит в нем его великую душу. Он сам все давно понял и простил, и когда суровый канцлер, сообщая владыке о беззавном поведении Герсвинды, восклицает в негодовании: «Позор! Преступление! Разврат и срам!» — коронованный мудрец тихо отвечает: «Правда, да, так оно есть и так всегда было» (т. е. измѣна старости ради молодости). Любовь Карла страстна, как первая, и прочна, как послѣдняя. Алкуин так описывает чувства своего повелителя: «Все его помыслы молят о ней, хочется сказать, скулят (wip-sellen) по девушке, как щенки». — «Брошены повод мирового коня!», восклицает в свою очередь молодой граф Норико, глядя, как сбедаемый любовью Карл забросил государственное дело. И только послѣ трагической смерти Герсвинды перед нами вновь встает во весь гигантский рост всевышний падалин и государь вновь «мир, как воск» в его руках...

Герсвинда, заложница саксов, героиня пьесы — один из самых странных и прихотливых женских образов, когда-либо созданных Гауптманом. Не сразу можно понять и допустить противоречивость характерных черт, которыми отличил ее природу автор. Золотая волна блондуры волос, грация худенького стана, полудетская нежность и неопредѣленность движений делают Герсвинду похожей на Мадонну, хотя и византийского письма. Но эта «святая» — безстыдна или, правильнее, чисто по-эллински служит Эросу. Одежда, которую ее заставляют носить, кажется ей чуждо-противоестественным: «развѣ не нагой создал меня Господь?», удивляется она, когда ей помышля сбросить ненавистный покров в присутствии Карла и Алкуина. Страсть вспыхивает в ней мгновенно, и она отдается ей с самой первобытной стремительностью и простотой. Когда Карл торжественно даровал ей полную свободу, она тотчас же шепнула молодому графу Норико: «Возьми меня, красавец!» Император отечески журит ее за такие грѣхи, предлагает ей себя в мужья: «один, не замѣнитъ мнѣ всѣхъ», отвечает Герсвинда. Из подаренного Карлом замка Герсвинда ушла в грязный, трущобный квартал Ахена и там предавалась безумию Эроса. Канцлер Эркомбадь поймал ее на том, что она, вся нагая, кружилась в вакхическом танце среди грязной харчевни и послѣ пляски отдавалась рыбакам и каменщикам, глядящим на нее. Современные врачи назвали бы Герсвинду истеричкой. У нее отравление к тѣ: «Вы ѣдите?.. Меня тошнит, когда люди ѣдят!», — говорит она Карлу и Алкуину. Она лежит неудержимо и безпунно, ради потребности солгать, и прямо сознается в этом. Наконец Эркомбадь прямо

описывает истерические корчи и обморок Герсвинды: «Тамъ лежала она со сведенными конечностями, лежала недвижно, какъ трупъ, холодная на-ощупь». Со всѣмъ тѣмъ Герсвинда богато одарена умомъ и знаніями. Въ монастырской школѣ она была лучшей ученицей, отдавалась религіозному служенію до подвижничества. Свою «философію», свои взгляды, приводившіе всѣхъ въ изумленіе и содроганіе, она защищала очень логично и остроумно, ставя по временамъ втупикъ самого Алкуина. Въ общемъ Герсвинда все-таки скорѣе чисто-символическая фигура, чѣмъ художественный типъ. Гауптманъ словно для того вывелъ ее на сцену, чтобы сказать одинъ изъ своихъ блестящихъ парадоксовъ: «женщина — это всегда ложь и всегда истина».

Главными недостатками этой драматической легенды Гауптмана приходится признать, во-первыхъ, нѣсколько смѣлую модернизацию Карла Великаго, обликъ котораго отлился въ нашемъ сознаниіи въ чересчуръ ужъ опредѣленные формы и притомъ на фонѣ не менѣе опредѣленной исторической эпохи, чтобы можно было повѣрить даже Гауптману. Второй основной недостатокъ — отсутствіе дѣйствія въ драмѣ. «Театральное дѣйствіе» начинается въ сущности лишь въ послѣднемъ актѣ, напоминающемъ по концепціи финалъ «Еврейки изъ Толедо» Грильпарцера. Здѣсь сценические эффекты не оставляютъ желать лучшаго: передъ стѣнами монастыря толпятся и бѣгутъ народъ, а вдоль рампы медленно движется погребальное шествіе съ тѣломъ Герсвинды, и уныло мерцаютъ огоньки тяжелыхъ свѣчей въ рукахъ церковныхъ мальчиковъ-служекъ.

Призраки войны.

(Политическое обозрѣніе).

Общее политическое положеніе Европы, которое, начиная съ Портсмутскаго мира, постепенно налаживалось въ новыл, казалось, такіа прочныя, ясныя и въ общемъ довольно благоприятныя для Россіи комбинаціи, послѣдніе дни вдругъ какъ-то сразу замутились, омрачились тревожною неопредѣленностью и даже грозными перспективами новыхъ кровавыхъ международныхъ столкновений. Черныя тучи обложили нашъ политическій горизонтъ одновременно и съ востока, и съ запада, и даже съ сѣвера. Досужи и робіе духомъ люди заговорили чуть ли не о всемірной коалиціи противъ нашего отечества, объ одновременномъ нападении на Россію со стороны Японіи, Турціи, Германіи, Австріи и Швеціи, поддержанномъ внутренними возстаніями въ Польшѣ, Финляндіи, на Кавказѣ и новымъ взрывомъ революціоннаго движенія въ столицахъ, — но во всѣхъ этихъ почти кошмарныхъ нагроможденіяхъ ужасовъ нельзя не видѣть явнаго нарушенія реальной мѣры и болѣзненнаго преувеличенія страха. Притомъ же одни изъ неразборчивыхъ, сваленныхъ въ кучу бѣдствій совершенно несомнѣнными съ другими. Напримѣръ, турецкое вторженіе при извѣстной обостренности отношеній армянъ къ магометанамъ никакъ не можетъ осложниться армянской революціей противъ Россіи, да и самое непримиримое польское націоналистическое послѣ проведенія закона объ экспроприаціи польскихъ земель едва ли станутъ помогать нашему правительству, не дающихъ никакой пощады болѣе слабымъ національностямъ. Въ общемъ итогъ политическое положеніе Россіи нельзя назвать мрачнымъ. Ея недавній врагъ—Японія слишкомъ занята перевариваніемъ проглоченной Кореи и даже по отношенію къ несомнѣнно агрессивно настроенной Америкѣ, пославшей въ Тихій океанъ небывало-огромную армаду, держится скромной, чисто-оборонительной политики. Китай совсѣмъ не готовъ къ войнѣ и только-что еще организуетъ свою армію для будущихъ сраженій съ нами, а можетъ-быть, и съ тѣми же японцами. Швеція, если бы и имѣла какіе-нибудь завоевательные замыслы, слишкомъ ослаблена сейчасъ отдѣленіемъ Норвегіи и едва ли найдетъ въ Финляндіи достаточное количество сторонниковъ, желающихъ промѣнять автономію на возстановленіе уже испытаннаго шведскаго владычества. Турція находится въ еще болѣе высокой степени внутренняго разложенія, чѣмъ мы, и сама по себѣ даже въ случаѣ дѣйствительнаго вторженія не можетъ представлять большой опасности для Россіи. Она никакъ не можетъ справиться даже съ возстаніемъ арабовъ въ Іеменѣ, и рядомъ съ извѣстіями о мобилизаціи редифовъ около Эрзерума и на русско-персидской границѣ постоянно приходятъ свѣдѣнія о бунтахъ турецкихъ солдатъ изъ-за неплатежа жалованья. При такихъ условіяхъ Россіи будетъ нетрудно снова справиться съ Турціей: одного магометанскаго фанатизма для войны еще недостаточно, для нея нужны и запасы оружія, и общая организація, и масса денегъ. Если раньше деньги для вооруженія арміи Англія давала туркамъ противъ Россіи, то теперь, послѣ разграниченія интересовъ на Востокѣ, та же Англія идетъ рука объ руку съ Россіей противъ Турціи и Германіи, Германія же вовсе не такъ богата, чтобы затравивать на такіа рискованныя предпріятія свои капиталы, которыхъ не хватаетъ даже на постройку Багдадской желѣзной дороги. Разумѣется, огромную угрозу для восточныхъ и западныхъ сосѣдей можетъ представлять собою образцовая германская армія, но въ настоящее время она почти изолирована, такъ какъ присоединеніе Англіи къ франко-русскому союзу, подкрѣпленное тяготѣніемъ и второстепенныхъ державъ, дѣлаетъ для германскаго императора рѣшительный бой на три фронта чересчуръ опаснымъ.

При нынѣшней политической конъюнктурѣ онъ можетъ рассчитывать на активную помощь одной только Австріи, но въ воен-

номъ отношеніи Австрія никогда не была сильна, а теперь, съ ростомъ политическаго значенія славянскаго большинства населенія, возможность счастливаго использованія ея силъ для разгрома Россіи становится еще болѣе спорною. Славянскіе депутаты ничего не имѣютъ противъ того, чтобы Балканскій полуостровъ былъ прорѣзанъ Санджакской желѣзной дорогой, въ проведеніи которой болѣе всего заинтересована Германія, ищущая кратчайшаго пути на Ближній Востокъ, но едва ли найдется хоть одинъ славянинъ, который будетъ готовъ пойти на войну съ Россіей во имя недопущенія поперечной желѣзнодорожной линіи, соединяющей Дунай съ Адриатикой, связующей всѣ придунайскія земли—Румынію, Болгарію, Сербію и Черногорію, и дающей ихъ производительности независимый выходъ на общеевропейскій рынокъ. Исходатайствованіемъ у султана концессіи на Санджакскую линію Австро-Венгрія несомнѣнно нарушила мюрштетскую программу, хотя такъ же несомнѣнно, что она въ этомъ случаѣ не вышла изъ предѣловъ правъ, предоставленныхъ ей 25 ст. берлинскаго трактата. Несмотря на то, что берлинскій трактатъ формулировалъ соотношеніе силъ послѣ побѣды надъ турками, а сейчасъ мы переживаемъ дипломатическія послѣдствія нашихъ поражений въ Манчжуріи, наше политическое положеніе все же значительно окрепло, и возвращеніе Австріи къ буквѣ берлинскаго трактата послѣ заключенія мюрштетскаго соглашенія производить уже волнующее впечатлѣніе покушенія на права Россіи и балканскихъ народностей. Однако же спокойный анализъ событій дѣлаетъ совершенно яснымъ, что примиреніе интересовъ болѣе чѣмъ возможно. Россія не ищетъ на Балканскомъ полуостровѣ никакихъ завоеваній, она обязана только защищать мѣстныхъ народностей отъ иноземнаго гнета, охранять свободу культурнаго и экономическаго развитія балканскихъ славянъ. Въ этомъ смыслѣ совершенно достаточнымъ возмѣщеніемъ за митровицкую концессію будетъ соглашеніе Австріи на дунайскую линію. Французскіе и англійскіе капіталисты съ удовольствіемъ дадутъ средства на осуществленіе этого доходнаго предпріятія, а Россія поможетъ осуществленію его лишь своей дипломатическою инициативой. Воевать намъ изъ-за балканскихъ желѣзныхъ дорогъ, разумѣется, не стоить, такъ какъ даже осуществленіе германскихъ желѣзнодорожныхъ плановъ все-таки въ концѣ концовъ приведетъ къ культурному, а слѣдовательно и національному пробужденію славянства, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ судьба Чехіи, да притомъ же Германія и Австрія не захотятъ довести споръ до вооруженнаго столкновенія. Ходъ преній въ англійскихъ палатахъ объ англо-русскомъ соглашеніи показалъ внутреннюю силу новой политической комбинаціи, ради устойчивости которой подавляющее большинство англичанъ безъ всякаго сожалѣнія примирится даже съ тѣми уступками Россіи, о невыгодности которыхъ говорилъ бывшій вице-король Индіи, лордъ Керзонъ. Было бы безуміемъ и преступленіемъ проливать русскую кровь въ интересахъ англо-германскаго соперничества, но нельзя вести международную политику, не базирывая на солидарности реально понятыхъ національныхъ интересовъ. При всѣхъ стѣснительныхъ и завоевательныхъ попятныхъ энергичныхъ государственныхъ людей Австріи и Германіи, все-таки самымъ могучимъ и самымъ реальнымъ интересомъ всѣхъ европейскихъ народовъ остается поддержаніе мира. Культурная дипломатія никогда не прочь урвать лакомый кусочекъ изъ-подъ носа сосѣда, но только въ такомъ случаѣ, если можно урвать безъ войны. Устойчивость мира слишкомъ необходима для жизни цивилизованной Европы, и нарушеніе его даже побѣдителямъ приноситъ больше утратъ, чѣмъ прямыхъ выгодъ. Все это заставляетъ насъ вѣрить, что случайно нарушенное мюрштетское соглашеніе между европейскими державами скоро будетъ вновь возстановлено, турецкая дипломатія будетъ снова приведена къ обычному смиренію, грозная воинственность башибузукскихъ полчищъ разсѣется отъ одного дружескаго европейскаго пословъ въ Константинополь, и пугающій русскихъ патриотовъ кровавый призракъ войны, появившійся на нашихъ азіатскихъ границахъ, разсѣется какъ дымъ каляна.

К. Б. Венигъ. (Рис. на стр. 169).

24 января с. г. въ Петербургѣ скончался одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей академическаго художественнаго міра, профессоръ исторической и портретной живописи, Карлъ Богдановичъ Венигъ.

К. Б. Венигъ родился въ 1830 году въ Ревелѣ. Художественное образованіе получилъ въ Академіи Художествъ, гдѣ былъ ученикомъ знаменитаго О. А. Бруни. За свои ученическіе труды Венигъ получилъ почти всѣ доступныя академическимъ учащимся награды, начиная съ малой серебряной медали и кончая большою золотомъ (за программу: «Эсмеръ предъ Артаксерксомъ»). За выдающіеся успѣхи въ живописи онъ былъ оставленъ при Академіи пансіонеромъ и посланъ на казенный счетъ за границу. К. Б. Венигъ уѣхалъ въ Италію, поселился въ Римѣ и проработалъ тамъ шесть лѣтъ, изучая итальянскую живопись періода ея расцвѣта. Въ Римѣ была написана имъ картина: «Положеніе во гробѣ», доставившая ему въ 1860 году званіе академика.

Въ 1862 году покойный получилъ званіе профессора исторической живописи за картину: «Два ангела возвѣщаютъ гибель городу Содому».

Съ тѣхъ поръ К. Б. Венигъ до послѣднихъ своихъ дней состоялъ однимъ изъ популярнѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ профес-



Лондонскій епископ Уинингтонъ-Ингрэмъ, по случаю прїѣзда его въ С.-Петербургъ для представленія Государю Императору. Представленіе состоялось 2 февраля с. г. въ Царскомъ Селѣ.

его, какъ работать и жить въ чужихъ краяхъ. Даже въ послѣдніе свои годы, будучи уже слабымъ старикомъ и часто прихварывая, К. Б. Венигъ никогда не манкировалъ въ этомъ отношеніи...

Въ позднѣйшее время К. Б. сильно ослабѣлъ, и у него дрожали руки. Но исключительное трудолюбіе не покидало его даже и тогда. И для того, чтобы имѣть возможность писать, онъ подвизывалъ къ рукѣ какую-то особую, изобрѣтенную имъ дощечку.

К. Б. Венигу принадлежатъ очень много произведеній церковной живописи. А кромѣ нихъ и кромѣ упомянутыхъ выше картинъ главнѣйшими его картинами считаются слѣдующія: «Послѣднія минуты Григорія Отрешева», «Іоаннъ Грозный и его мамка», «Русская дѣвушка» и «Ромео и Джульетта».

Въ лицѣ К. Б. Венига скончался истинный художникъ въ душѣ и въ жизни, художникъ, необычайно преданный искусству и сердечно любившій всѣхъ его представителей. Такою же сердечностью платилъ ему и его ученики...

Въ Государственной Думѣ.

Почти все 29-е засѣданіе Гос. Думы, 15 февраля, было занято обсужденіемъ запроса по поводу незаконныхъ дѣйствій виленскаго охраннаго отдѣленія. Сущность запроса заключается въ слѣдующемъ.

Въ октябрѣ 1905 г. былъ обнаруженъ случай провоза изъ-за границы въ Россію революціонной литературы въ громадномъ количествѣ, совместно съ оружіемъ. Слѣдствіе открыло участіе въ этомъ дѣлѣ чиновъ пограничной стражи, которыхъ подкупили агенты виленскаго охраннаго отдѣленія. Виновные чиновъ пограничной стражи были преданы суду, а виленскій военно-окружной судъ, — поставленный въ необходимость произнести обвинительный приговоръ надъ людьми, которые были завѣдомо подкуплены агентами охраннаго отдѣленія, — запросилъ министерство внутр. дѣлъ, которое отвѣтило, что въ дѣйствіяхъ охраннаго отдѣленія оно ничего незаконнаго не усматриваетъ. Тогда военный судъ, оправдавъ подсудимыхъ,

сдѣлалъ постановленіе о доведеніи этого дѣла до сената. Однако это постановленіе было отмѣнено по формальнымъ причинамъ, и все осталось попрежнему.

По этому поводу въ Гос. Думу былъ внесенъ запросъ, который, пройдя черезъ комиссію, принялъ слѣдующую форму:

«1) Правильно ли съ фактической стороны изложенное въ особомъ постановленіи виленскаго военно-окружнаго суда отъ 27 и 28 іюня 1907 г. указаніе на дѣйствія чиновъ мѣстнаго охраннаго отдѣленія, имѣвшее мѣсто въ октябрѣ 1905 г., и изслѣдованы ли эти дѣйствія подлежащимъ начальствомъ? 2) Въ виду какихъ установленныхъ закономъ оснований министерство оставило безъ послѣдствій сообщеніе военнаго слѣдователя о дѣйствіяхъ вышеупомянутыхъ чиновъ охраннаго отдѣленія, какъ это видно изъ вышеназваннаго постановленія виленскаго военно-окружнаго суда? 3) Находить ли возможнымъ министерство допускать подкупъ чиновъ пограничной стражи агентами охраннаго отдѣленія, и дѣйствительно ли въ правительственныхъ цѣляхъ, какъ объяснилъ ротмистръ Шебеко, проносились контрабандой запрещенныя книги и газеты?»

Объясненія по запросу давалъ депутатъ Маклаковъ (к.-д.), какъ первый подписавшій заявленіе. Онъ подчеркнул, что въ основѣ запроса, лежитъ особое постановленіе виленскаго в.-окр. суда, и этимъ доказана его фактическая достовѣрность, лишаящая Гос. Думу моральнаго права ссылаться на недоказанность фактовъ.

Правительственные агенты въ правительственныхъ цѣляхъ провозили въ Россію антиправительственную революціонную литературу. Агенты охр. отд. помогали преступленію, которое собирались преслѣдовать, и стали на тотъ скользкій путь, на который власть во имя достоинства не должна становиться.

Деп. Крупенскій (ум.-пр.) находилъ, что запросъ излишенъ. Можетъ-быть, дѣйствія охр. отдѣленія незаконны; но сыское отдѣленіе и не можетъ поступать иначе. «Я этимъ не занимался, скажу откровенно, — замѣтилъ ораторъ: — потому что призванъ къ законодательной работѣ; но въ этомъ, несомнѣнно, есть необходимость, и лицъ, занимающихся охраной государства, нужно оставить въ покоѣ». Надо освободить трибуну отъ подобныхъ ненуж-



Новая пьеса Г. Гауптмана: «Заложница императора Карла». Артистка Орлова въ роли Герсинды, на сценѣ «Лессингъ-театра» въ Берлинѣ.



Г-жа Гюблерь
(Мюнхень).

Г-нъ Бургеръ и г-жа Гюблерь
(Мюнхень), получившіе 1-й призъ
въ парномъ катаньи.

Супруги Джонсонъ (Лондонъ),
получившіе 2-й призъ въ пар-
номъ катаньи.



Ульрихъ Сальховъ (Стокгольмъ),
всемирный чемпионъ-фигуристъ, по-
лучившій почетный призъ.



Слева: г-жа Гюблерь (Мюнхень); г-жа Реншмидтъ (Берлинъ), взявшая второй
призъ; г-жа Монгомерсъ (Стокгольмъ), взявшая третій призъ; г-жа Кронбер-
генъ (Будапештъ), получившая почетный призъ и золотую медаль.
Дамы-участницы на фигурныхъ международныхъ состязаніяхъ.



Г-нъ Панинъ (СПБ.), получившій
1-й призъ — кубокъ въ память Пан-
шина.

Международныя состязанія конькобежцевъ въ Юсуповомъ саду, въ С.-Петербургѣ, 3-го февраля 1908 г.
По фот. К. Булла, арт. «Нивы».

ныхъ, мелкихъ запросовъ и перейти къ законодательной работѣ.

Деп. Замысловскій (кр. пр.) высказалъ, что агентъ охр. отдѣленія не можетъ быть признанъ не только агентомъ правительства, но и должностнымъ лицомъ, да и самый случай, на которомъ зиждется запросъ, произошелъ до 17 октября 1905 г., и потому запросъ надо отклонить. Крамола нужна не чинамъ охр. отдѣленія, ставящимъ на карту свою жизнь, а кадетской партіи.

Деп. Антоновъ отъ имени фракціи 17 окт. заявилъ, что она присоединяется къ запросу.—Деп. Шуркановъ отъ имени с.-д. предложилъ отвергнуть формулировку запроса въ редакціи комиссіи и принять первоначальную его формулировку.

Деп. Ляхницкій (труд.) предложилъ упомянуть въ текстѣ запроса о провозѣ не только книгъ и литературы, но и оружія.

Гр. Бобринскій 2-й отъ имени умѣр.-пр. заявилъ, что они запросъ принимаютъ, но въ прочемъ присоединился къ мнѣнію деп. Крупенскаго.—Деп. Марковъ 2-й находилъ для правыхъ болѣе правильнымъ отвергнуть законопроектъ, «ибо требовать отъ правительства давать то, чего оно дать не можетъ, чистыхъ приемовъ въ нечистомъ дѣлѣ—нельзя», тѣмъ не менѣе они принимаютъ запросъ, потому что въ немъ затронута армія.

Голосованіемъ запросъ принять въ редакціи комиссіи, съ прибавкой къ пункту 3-му словъ: «и оружія».

Въ 30-мъ засѣданіи Гос. Думы, 19 февраля, обсуждался и принятъ внесенный министромъ внутр. дѣлъ, по порученію Гос. Думы, дополнительный законопроектъ о кредитѣ для продовольственной и сѣменной помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая въ 1907 г., 8.772.000 руб. При этомъ министру внутр. дѣлъ вѣщено въ обязанность представить къ 1 марта 1909 г. подробный отчетъ объ израсходованіи этихъ денегъ.

Принявъ нѣсколько мелкихъ законопроектовъ, Гос. Дума перешла къ обсужденію предложенія 31 о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ. Докладывалъ бар. Мейендорфъ (окт.). Признавая предложеніе желательнымъ, комиссія нашла его неполнымъ и нуждающимся въ расширеніи. Въ предложеніи содержатся три мѣры: первая заключается въ увеличеніи емкости посуды, т.-е. въ уничтоженіи мелкой посуды, въ которой теперь продается водка; вторая—въ признаніи за сельскими обществами права запрещать продажу крѣпкихъ напитковъ на ихъ территоріи, и третья—въ сокращеніи времени ихъ продажи. Наибольшаго вниманія изъ этихъ мѣръ заслуживаетъ вторая. Комиссія признаетъ за обществами безусловное право на закрытіе существующихъ и на запрещеніе открытія новыхъ заведеній для продажи крѣпкихъ напитковъ, распространяющееся на полныхъ три года, причемъ приговоры эти постановляются простымъ большинствомъ голосовъ и могутъ быть проверяемы исключительно съ формальной стороны, т.-е. значительно рас-

ширила права сельскихъ обществъ въ этомъ отношеніи. Докладчикъ просилъ Гос. Думу передать этотъ законопроектъ для дальнейшей обработки въ ту же комиссію, даже въ томъ случаѣ, если правительство согласится на самостоятельную выработку его.

Представитель правительства, начальникъ гл. упр. неокл. сб. и каз. продажи питей, сен., т. с. І. І. Новицкій, при аллодисментахъ центра и правой, заявилъ, что министерство финансовъ признаетъ всѣ основныя и принципиальныя положенія законопроекта приемлемыми и изъявляетъ готовность взять на себя составленіе законопроекта.

Продолженіе преній открылось въ вечернемъ засѣданіи Гос. Думы рѣчами трехъ депутатовъ-священниковъ, согласныхъ въ томъ, что предлагаемыя мѣры недостаточны для оздоровленія народа, и находившихъ нужными раньше всего: свящ. Никоновичъ—строгія карательныя мѣры противъ тайной продажи вина, свящ. Гопедкій—проведеніе мѣстныхъ реформъ и вообще улучшеніе условій существованія, а свящ. Рознатовскій—мѣры просвѣщенія народа. Деп. Чельшевскій (окт.) доказывалъ необходимость предоставленія на сходѣ, при обсужденіи вопроса о закрытіи кабаковъ, права голоса женамъ и матерямъ домохозяевъ.

Деп. Милоковъ (к.-д.) указалъ, что антиалкогольное законодательство можно построить на трехъ принципахъ: 1) уничтоженіе



Вторая женская гигиеническая выставка, подъ названіемъ «Здоровье и Красота», устроенная «Обществомъ охраненія здоровья женщины». Витрина реформированныхъ женскихъ нарядовъ. Выставка открылась въ залахъ Пассажа въ С.-Петербургѣ, 22 января с. г. По фот. В. Полонскаго авт. «Нивы».

частного интереса не только отдельного лица, но и общества, при чем доходы от продажи алкоголя должны тратиться на борьбу с пьянством и на просветительные цели; 2) торговцы не должны быть заинтересованы в продажах, и 3) кабак не должен быть местом развлечения. Наша монополия этим принципам не противоречит, но тем не менее принципы эти не выдержаны: попечительства о нар. трезвости никакой деятельности не проявили, а взаимны уничтожения кабака ничего не создано. В скандинавских государствах и в Америке борьба с пьянством принесла поразительные результаты, но достигнуто это не путем запрещения, а путем воздействия общества: запретительное законодательство возможно только тогда, когда общество путем самодеятельности выработало известное отношение к пьянству. У нас же нет тех условий, при которых могла бы создаваться такая самодеятельность.

Время ораторов ограничено 10 минутами, при чем Гос. Думѣ осталось выслушать еще 61 оратора.

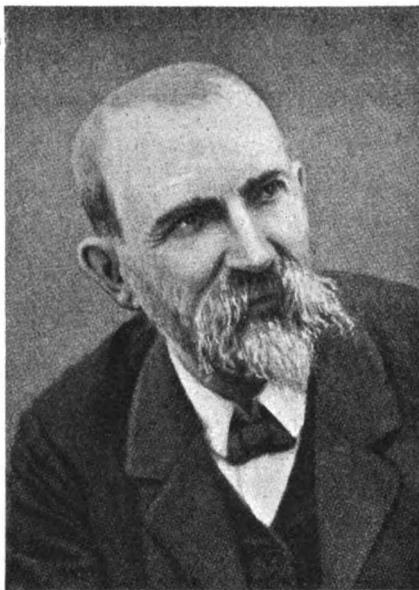
А. И. Эртель. (Портр. на этой стр.).

7-го февраля с. г. в Москвѣ скончался известный и в свое время пользовавшийся большою популярностью писатель, Александр Иванович Эртель.

Нынѣшнее поколѣніе почти не знает его. Но не так давно еще имя А. И. Эртеля считалось украшеніем наших журналов. А. И. Эртель принадлежал къ числу писателей-народниковъ — одной группы съ Златовратскимъ, Пл. Успенскимъ и другими. «Народникомъ» онъ былъ не только потому, что исповѣдывал необходимость общенія интеллигенціи съ народомъ, но главнымъ образомъ потому, что прекрасно зналъ народъ, его бытъ и языкъ, и художественно воспроизводитъ жизнь нашего народа.

А. И. Эртель былъ настоящимъ художникомъ въ литературѣ: писатель «старой школы», т. е. школы Тургенева и Гоголя, онъ высоко ставилъ технику искусства и самое внимательное изученіе правды, быта, характеровъ.

Покойный писатель выдвинулся на литературномъ поприщѣ своимъ первымъ капитальнымъ произведеніемъ — «Записки Степняка». Прекрасная по формѣ, интересная по содержанию, эта повѣсть сразу обратила на себя вниманіе читающей публики и литературныхъ кружковъ. «Записки Степняка» были даже поставлены на одну доску съ «Записками Охотника». Это было не совсѣмъ правильно, но это показывало, какъ много вниманія удѣлялось тогда А. И. Эртелю.



А. И. Эртель, писатель († 7 февраля с. г. в Москвѣ).



Новый французскій посолъ, адмиралъ Тушаръ.

Вслѣдъ за этимъ крупнымъ произведеніемъ появились цѣлый рядъ другихъ. Эртель давалъ въ нихъ вѣрные картины крестьянскаго и помѣщичьяго быта, изображая новые типы, вызванные къ жизни промежуточнымъ временемъ помѣщичьяго «разоренія» и крестьянской неспособностью къ новымъ формамъ жизни, возникшимъ послѣ 19-го февраля 1861 года. Въ ряду этихъ произведеній наиболѣе видное мѣсто занимаетъ романъ «Гарденины».

Въ каждой строчкѣ, написанной Эртелемъ, чувствовалась долгая и упорная культурная работа, любовное и бережное отношеніе къ художественному русскому языку.

А. И. Эртель былъ типичный москвичъ по своему житейскому укладу, а также и по мѣсту своей литературной деятельности. Онъ работалъ преимущественно въ московскихъ журналахъ, главнымъ образомъ въ «Русской Мысли».

Въ своей частной жизни онъ отличался истинной душевностью, отзывчивостью и добросердечіемъ.

Приготовленіе къ выпуску чугуна.

(Рис. на стр. 164).

Интересная картина Е. Герунгъ-Карпинской вводитъ насъ въ среду горнозаводскихъ рабочихъ, занятыхъ приготовленіемъ къ выпуску чугуна изъ доменной печи. Чугунъ образуется изъ подвергающейся плавленію желѣзной руды, при чемъ плавящийся металлъ поглощаетъ въ большомъ количествѣ уголь. Когда насыпанная въ доменную печь смѣсь угля и руды сгоритъ, внизу домы накопится масса расплавленного металла, и въ известные моменты эта масса выливается наружу.

Одинъ изъ этихъ моментовъ и изображенъ талантливой художницей.

СМѢСЬ.

Почему нехорошо спать на лѣвомъ боку. Давно известно, что большая часть людей, имѣющихъ привычку лежать ночью на лѣвомъ боку, спитъ очень безпокойно, а проснувшись нерѣдко чувствуютъ ноющую боль въ спинѣ и въ лѣвой сторонѣ тѣла. Причину этого явленія слѣдуетъ искать въ положеніи сердца. Если вся тяжесть тѣла сосредоточивается на лѣвомъ боку, то сердце болѣе и менѣе вытѣсняется изъ своего нормальнаго положенія, что сдѣлать причиной измѣненія давленія сердца на диафрагму, раздраженія его нервной системы и разстройства большихъ кровеносныхъ сосудовъ.

Кромѣ того, если спящій лежитъ на лѣвой щекѣ, то вслѣдствіе этого въ головѣ сжимаются кровеносные сосуды, проводящіе кровь въ сердце, и кровь въ нихъ застаивается.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала «Нива» проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой платы за 1908 годъ, озаботиться **своевременными взносами** подписныхъ денегъ, **согласно условіямъ разсрочки**. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначить на видномъ мѣстѣ М печатнаго адреса** съ бандерою или **прилагать самый адресъ**.

Содержаніе.

ТЕКСТЫ: Степь грозитъ. Романъ Ал. Н. Будилова (Продолженіе). — Ель. Разсказъ С. Свириденко. — Двадцатипятилѣтіе смерти Вагнера (Очеркъ А. Колпаева). — Новая пьеса Гергарта Гауптмана («Заложница императора Карла»). Очеркъ П. Конради. — Призраки войны (Политическое обозрѣніе). — К. Б. Венигъ. — Въ Государственной Думѣ. — А. И. Эртель. — Приготовленіе къ выпуску чугуна. — Смѣсь. — Заявленіе. — Объявленія.

РИСУНКИ: Эюдъ. — Приготовленіе къ выпуску чугуна. — Изъ жизни уральскихъ рабочихъ. — Хожденіе по св. пещерамъ Печерской лавры въ Кіевѣ. — К. Б. Венигъ въ своей мастерской. — Рихардъ Вагнеръ (1 портретъ и 4 рисунка). — Рихардъ Вагнеръ. — Лондонскій епископъ Уинингтонъ-Инграмъ. — Новая пьеса Г. Гауптмана: «Заложница императора Карла». — Артистка Орлова въ роли Гервинды, на сценѣ «Лессингъ-театра» въ Берлинѣ. — Международныя состязанія коннобѣжцевъ въ Юсуповомъ саду въ С.-Петербургѣ, 3 февраля 1908 г. (6 рисунковъ). — Вторая женская гігіеническая выставка, подъ названіемъ «Здоровье и Красота», устроенная Обществомъ охраненія здоровья женщинъ. Витрина реформированныхъ женскихъ нарядовъ. — А. И. Эртель. — Новый французскій посолъ адмиралъ Тушаръ.

Нъ этому М прилагаются: 1) «Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія» за мартъ 1908 г., 2) «ПАРИЖОНІЯ МОДЫ» за мартъ 1908 г. съ 33 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 черт. выкр. въ натур. велич. и 13 рис. выпиливанія по дереву и металлу.

Редакторъ Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. И. Светловъ.

